

25-го июля 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

16

16

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го липня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. П. Крюков: Песня Казачья.
2. В. Петров: Лежанка.
3. Юрий Гончаров: * * Стихи.
4. Константин Поляков: Мой конь. (Стихи).
5. Санжа Балыков: Смерть Ад'яна. (Окончание).
6. Я. Рудик: * * Стихи.
7. Гнат Макуха: * * Стихи.
8. Любовь Самсонова: Монашка. (Стих.).
9. Алексей Персидсков: * * (Стихи).
10. Живой труп.
11. Медарь Сем.: Переселення чорноморців на Кубань.
12. Мих. Минаев: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
13. И. С-ов: Броневые автомобили.
14. Вл. Куртин: Султан Довлет Гирей.
15. Д-р С. Федоров: Казачество по советски.
16. Думы и мысли казачьи.
17. Международная жизнь.
18. Казачья эмиграция.
19. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Австрия. — В. — Ваше сообщение было прочитано с интересом. Благодарим за работу и аккуратность... Того же ждем от Вас и в дальнейшем. Казачий поклон Вам.

Австрия. — Вена. — М. М. — Получено, 2. Большое Вам спасибо. Надеемся и в дальнейшем не терять связи. Наш Вам привет.

Америка. — Нью-Йорк. — Вам будет послано...
Бельгия. — Шазал. — Дм. Нид. — Нам нужен точный Ваш адрес. Получено ли Вами что-нибудь?

Болгария. — Варна. — А. — Сообщите о результатах — и в дальнейшем держите постоянную связь.

Болгария. — София. — С.-м. — Вы получите...

Болгария. — София. — И. М. — Ваши сообщения, как Вам уже известно, получены. Благодарим. Получено ли Вами письмо?

Болгария. — Бургас. — В. — Мы не удивляемся что: „Газета „Русь“ осмеивает нас, казаков, как любящих свою родину — Тихий Дон“. Знаем и верим, что: „Она этим волеет в нас больше чувства и любви к родному Дону и защиты Казачества от нападков его врагов (русских).“ Вы пишете дальше: „Я уверен в том, что все эти наши враги для нас, казаков, не страшны; пусть певцы Вольного Казачества поют славу великим Богатырям — Батюшке Тихому Дону Ивановичу, Кубани Многоводной и Бурному Тереку Горыничу — пусть знают: мы их не выдадим, мы их поддержим!“... Ваше письмо, не первое письмо полученное редакцией по данному — и подобным ему — случаям. Они собираются одно за другим с разных концов света, отовсюду, где „обретается в рассеянии“, изгнанное из родных Земель русской коммунистической властью, казачество. Капля по капле, горечь сквозящая в них, переполняет чашу терпения казачьего — и, верим, недалек, тот день, когда казачество поймет и ясно сознает — под чужой властью, под властью русской, — смерть Казачеству!

— „Русь“ осмеивает... — Да разве народ презирающий свое отечество может понять беззаветную любовь

другого народа к Своей Родине? Любовь казаков к Казачьей Земле?!...

Верим и надеемся, сплоченное единой Семьей Казачество придет к новой жизни, свободной и независимой. Пора казакам постоять за себя! Казачий Вам поклон.

Ваше сообщение, что журналы перехватываются, также для нас не ново. Журналы не только перехватываются, но даже заменяются „веселенькой“ литературой. — И до чего только русский человек не додумается!?

Болгария. — В. - Търново. — Б. — Сочувствуем Вашему положению. „Как любит нас русский народ“ казаку уже каждому известно. Только те, в ком рабская психология, привитая русской школой, успела пустить глубокие корни, не видят этой „любви!“ Потеря подобных лиц Казачеством, благополучие для него — не из кого будет Москве вербовать своих сторонников, а Казачьей Земли — предателей!

Ваши сообщения получены. Ждите ответ. Казачий Вам поклон.

Польша. — Жалиборж. — У. — Нас не удивило, что журнал Вами не получен. Есть „радители“, которых наш журнал очень интересует. Будет дослано. Казачий привет Вам.

Польша. — Колно. — Е. — Получено. Снесемся почтой. Казачий Вам поклон.

С. — Н. — С. — Загреб — Ф. — Ожидайте письма. Литературная Казачья Семья шлет Вам свой сердечный привет.

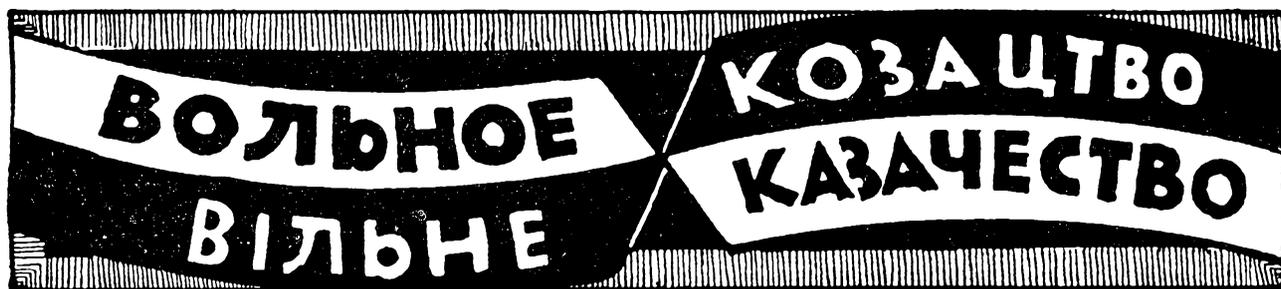
С. Н. С. — Zahreb. — В. К. — Ответ послан письмом.

С. Н. С. — Шабац. — Я. Е. Журнал послан.

Франция. — Ницца. — С. М. — Ваш очерк о „Казаках —и.“ получен. Могли бы воспользоваться им, в случае Вашего на то согласия, только в сокращенном виде. Согласны? — Привет Вам и Вашим друзьям — казакам!

Ч. С. Р. — Pŕedmeřice. — Ф. Б. — Исполнено.

Ч. С. Р. — Pisek. — В. Г. — Просьба исполнена.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 16.

Прага, среда 25-го июля 1928 г.

№ 16.

П. Крюков.

ПЕСНЯ КАЗАЧЬЯ.

Над быстрой Медведицей лес задремал,
Лениво ветвями качая...
По гребню волны лунный луч побежал,
С серебряной пеной играя.

В садах и левадах звенят соловьи
Всю ночь напролет, не смолкая —
Поют они миру о вечной любви,
И слушает мир, замирая.

Но вот далеко кто-то песню запел,
И отзвук, тоскливо взывая,
Над речкой и лесом, звеня пролетел
Дрожа и смеясь, и рыдая...

Узнать невозможно отдельных в ней слов —
И может быть песня иная
И лучше ее, но для нас — казаков,
Ее не заменит другая.

Без слов мы узнаем, что кроется в ней, —
Она нам понятна, родная.
И нет для нас песни на свете милей,
Как песня казачья, степная.

В ней вся наша сила, вся наша любовь
К свободе Родимого Края,
В ней чудится предков пролитая кровь
И волюшка — воля бывшая...

Звенит и рыдает над лесом, рекой,
То вспыхнув, то вновь затихая, —
Шумит пережатной, незримой волной —
Родимая песня Донская!...

В. Петров.
(Румыния).

Л е ж а н к а.

(Из истории моей болезни.)

— И что вы все толкуете про эту Лежанку? Ей-Богу, носятся с ней, как с писаной торбой, — отозвался из угла палаты Казьмин, молодой пластун Постоянной Армии. — Каждый день — одно и то же. Лежанка да Лежанка. Ну и далась же она им, — заключил он, обращая больной свой взгляд ко мне.

Я видел, что осунувшееся, с заострившимся носом, лицо Казьмина ищет у меня сочувствия и поддержки.

— Да, да, Казьмин. Лежанка. Кто не был под Лежанкой, тот мало что видел, — авторитетно заявляет уже в сотый раз на всю палату капитан Падчин, в головах у которого показно висит на новой георгиевской ленточке круглый значек за „Ледяной поход“. Возле капитана Падчина сидит его жена в чистом белом халате и белой косынке сестры милосердия (хотя милосердие ее не простирается дальше мужа) и тоже с „Ледяным походом“ на белой груди. Знать, тоже участвовала и, знать, тоже немало видела...

Добровольцы, во главе с капитаном Падчиным и его женой, всегда ссорятся с пластуном Казьминым. Начнут как будто из-за пустяков, а потом — дальше да дальше. И доберутся до „политики“. Добровольцы и жена капитана Падчина требуют, чтобы форточки были открыты как можно дольше, чтобы воздух был более чист и свеж в палате, а ёжащийся всегда от холода пластун Казьмин против этого часто протестует. Ему все холодно...

— Это тебе нужен свежий воздух, — заявляет Казьмин без стеснения жене капитана Падчина, — ты здорова, и потому тебе тут воняет.

— Да и мужик же ты, Казьмин, — говорит ему жена капитана Падчина, — ведь чистый воздух — самое лучшее лекарство.

— Воздух твой ничего не поможет, когда разбиты ноги, — упорствует Казьмин, — мы не чихоточные, а раненные.

Сердится Казьмин и ругается и с санитаром — турком, когда тот, убирая палату, нечаянно толкнет его кровать. — Чего ты тут возишься, турецкая морда. Без тебя тошно, — набрасывается на него Казьмин. А турок, самодовольно оскалив свои белые частые зубы, рад случаю и оставляет наш угол недометенным.

Казьмин не очень сочувственно относится даже к такой невинной затее, как взбрызгивание палаты духами, что иногда делает жена капитана Падчина. — Прихоти, говорит он, — лежишь в гною, а она тебя надушивает.

— Мужик ты, снова повторяет ему жена капитана Падчина.

— Вы мужики, огрызается Казьмин, — вы „работники“ наши. Все вы к нам приходили наниматься из Рассей. До самого Покрова жили у нас.

— Халуй, — кричит с кровати капитан Падчин, — еще разговаривает!

И „политика“ начинается...

— Если бы не Добровольческая армия, — кричит грозно капитан Падчин, — то вы и теперь имели бы комиссаров. Мы вас разбудили. Мы вам дали возможность иметь вашу армию. А вы еще теперь не благодарны, увиливаете от единого командования!..

Но пластуна Казьмин тоже горячий человек. И, видно, из молодых, да ранний. Уперся на своем, и шабаш.

— Да откуда вы взяли, что добровольцы или, как вас там, доброты, подняли нас на восстание? — кричит в свою очередь Казьмин. — Мы про вас и не слышали. О вас и о вашем „Ледяном походе“ я узнал только теперь, тут, от вас же самих, а там, на фронте, о вас и не вспоминают. Мы надеемся только на себя, а не на каких-то добровольцев. Подумаешь, какая невидаль: две-три тыщи человек вместе с Деникиным. И единое командование у нас уже есть — Атаман. А вы сидите на нашей Земле, за нашей спиной, да еще недовольны этим командованием! Генерала Деникина вам нужно? Какой же тогда будет Атаман, если он свою стотысячную армию и самого себя отдаст в зетья каким-то пришлым добровольцам?... — И, взглянув на меня, Казьмин еще с большим азартом набрасывается на капитана Падчина. Гремит на всю палату. — И почему вы, добровольцы, попали именно к нам, казакам, а не пошли организовать свою Доброармию в Курскую или Тульскую губернии, и как вам не стыдно, что вы едите наш хлеб и нас же ругаете, и почему вам так нужно единое командование в лице Деникина, а не в лице Атамана!... — И пошел, и пошел...

Капитан Падчин разъярился не на шутку на пластуна Казьмина. Видно, если бы он мог соскочить с кровати, то показал бы Казьмину „на чем орехи растут“.

— Бандит, а не солдат русской армии! — Кричит капитан Падчин, мечась по кровати. — Какая недисциплинированность! Разве можно с такими спасти Россию!

— Это единую и неделимую-то? — подсаливает Казьмин.

— Большевик! — Задыхается в гневе кап. Падчин и хочет позвать коменданта лазарета, чтобы арестовать Казьмина.

Нас, казаков, только двое: Казьмин и я. Палата — поголовно против Казьмина. Стараюсь поймать взгляд расхоловшегося пластуна. В госпитале дисциплина „твердая“, добровольческая. Могут засадить и вчера оперированного Казьмина. Поймал. Казьмин понял и немного успокоился.

... Утро. В госпитале страшная суматоха. Бегают все, начиная от санитаров и кончая старшим врачом госпиталя, разгневанный голос которого то и дело раздается по палатам. Дружная работа идет. Санитары наскоро натирают разблестевшийся пол, кафельная поспешно меняет белье, появляется и исчезает с озабоченным видом безногий заведующий хозяйством.

В палате все молчат, но лица больных горят каким-то гордо-торжественным блеском. Проснувшийся раньше Казьмин (а может быть и вовсе не спавший) уже узнал о причине поднятой необыкновенной суматохи.

— Знаете, — говорит он, — Деникина ждут. Видите, как капитан Падчин наковырил свой „Ледяной поход“?

Значек капитана Падчина действительно висел как-то повыше обыкновенного, а ленточка его, старательно

расправленная, так и просилась на глаза. Сам капитан Падчин, с глубокой сосредоточенностью, украшал свое исхудалое курносое лицо, благоговейно закручивая жиденькие, торчащие усы. Жена его, в более белом чем всегда халате, суетилась у его кровати, стараясь придать капитану более заметную (не важно, что неудобную) позу. На снежно-белой ее груди красиво выделялся „Ледяной поход“, то и дело ею охорашиваемый. Другие добровольцы тоже приосанились. Все готовились, как будто к смотру. Молодой армянек-карапет, ловко управляя костылями, весело скакал по палате. Поручик „Самострел“, как его называл Казьмин за то, (известно было в госпитале) что этот поручик сам себя ранил в руку, дабы избежать фронта, толковал, улыбаясь, капитану Падчину, что Деникин непременно его узнает, ибо он находился в штабе во время „Ледяного похода“ и часто с Деникиным там встречался. И другие добровольцы были уверены в признании их Деникиным. Впрочем, все были уверены в том, что генерал Деникин отнесется к ним, как к участникам „Ледяного похода“, признательно. Да и понятно, ибо своим настоящим высоким постом, постом „Главного командующего Вооруженными Силами на Юге России“, он им обязан...

Казьмин, чувствовавший себя в это утро особенно нездорово, то и дело стонал и приезд Деникина его, видимо, мало трогал.

Влетевший в палатку комендант госпиталя объявил о приезде Деникина. Сделалось тихо в большой передней палате. Слышно было только легкое штабное позвякивание шпор. Добровольцы, какие могли, приподнялись на своих кроватях. Худого капитана Падчина посадили тоже, обставив подушками, чтобы не упал.

Вошли пять представителей, чисто одетых и старательно вылощенных штаб-офицеров, а во главе их и сам Деникин, в серой, ловко сидевшей на нем шинели, с блестящими желтыми генеральскими погонами.

— Офицер? — спросил Деникин, подойдя к кровати поручика Самострела.

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— Какой армии?

— Добровольческой.

— Участвовали в „Ледяном походе“?

— Так точно.

— Где были ранены?

— Ранен не был...

— А эту рану где получили?

— Эту... эту по нечаянности, В. Пр...

Деникин подошел к молодому карапету. Карапет, став на костыли, смело и громко отвечал на вопросы. Сказал, что был под Лежанкой, и ранен был под ней же. И Деникин и карапет, расставаясь, остались довольны друг другом. После этого Главного командующий, перебросившись фразами об обще-знакомых победах с тремя очередными добровольцами, подошел к кровати давно уже улыбавшегося капитана Падчина.

— Капитан конной артиллерии, Падчин, — поспешила за капитана жена его.

— Участник „Ледяного похода“? — полуспросил ген. Деникин, давно уже обративший внимание на значки „Ледяного похода“ супругов-добровольцев.

Штабные офицеры как-то услужливо засуетились и, подходя поближе к Падчинской чете, ласково и сочувственно им улыбались.

— Не под Лежанкой ли были ранены? — спросил ген. Деникин, как будто что-то припоминая.

— Так точно. Под Лежанкой, — ответили вместе супруги-добровольцы.

После воспоминания боя под Лежанкой и других двух-трех эпизодов из „Ледяного похода“, Деникин, снова благодарственно пожав руки супругам Падчинным, приказал одному из штабных полковников записать их имена. Все время, пока ген. Деникин дружески беседовал со следующими ранеными добровольцами, полковник, которому было приказано записать фамилии супругов Падчинных, задавая им короткие вопросы, поспешно заносил нужные ему даты в свою полевую книжку (обратите внимание полевую, а не записную).

Измятое лицо кап. Падчина горело искренним сознанием своего достоинства. А здоровая, разруганная

шався его жена, у которой штабные офицеры по десять раз целовали ручку, была еще счастливее...

Обойдя всю палату и повернувшись к выходу, Деникин наткнулся на кровать Казьмина. Казьмин, вытираив на Деникина свои завалившиеся глаза, молчал.

— Казаки. — нашелся старший врач. — Ранен в ноги. Недавно был оперирован, — указал он на Казьмина. — А этот, — показывая на меня, добавил врач, — имеет реампутацию ноги.

Генерал Деникин, поглядев безучастно то на меня, то на Казьмина и не задав ни одному из нас своего общего вопроса „где ранен“, повернулся к выходу. При-

готовленный мною ответ „под Кумским“ остался у меня на устах...

Когда затихло легкое металлическое бряцание шпор, Казьмин, подражая тону и голосу Деникина, спросил:

— А вы где были ранены?

— Под хутором Кумским Суворовской станицы, — в тон ему ответил я с усмешкой.

— Эх, что Кумской! Кумской — не Лежанка. Видели? Лежанка, Лежанка и Лежанка...

— Видел, Казьмин. Да поздно. Ноги-то уж нет.

— Вот вам и единая-неделимая, — добавил Казьмин и заерзал сердито по кровати...

Юрий Гончаров.

* * *

За калиткою раскрытой
Тихо звякнули монисты.
Расставаясь, посулила:
— Жди осенней песни листьев...
Зазвенят коня копыта...
Снова встречу меня здесь, милый...
Каждый день ловлю я шумы:
Не летят-ли с веток листья?
Не бледней-ли солнце тлеет
В паутине золотистой?..
За чертой садов угрюмых
Так-ли небо все синее?..
Долог — долог, бесконечен
Путь к меже заветных сроков...
Несмываемы, веками
Те-ж законы в звездных строках —
Ночью в небе стынут свечи,
Утром реет алый пламень.
... Кто приблизит вечер встречи?..
Сдвинет Боговы законы —
В саван синий сад оденет?..
— Конь мой тонет в травах сонных...
Алый отблеск солнце мечет
На серебряное стремя...

Константин Поляков.

МОЙ КОНЬ.

Мой конь в степи уныло ржет,
Копытом бьет сухую землю...
Косит глаза, кого то ждет —
Кто вденет ногу в это стремя...
Эх, вспомнить!.. дивно — хороша
Была та жизнь в лихом разгульи, —
Где сталь отцова палаша
Была презреньем вражьим пулям...
Мой конь и я, мы с ним вдвоем
Из смерти делали игрушку,
Когда с нагайкой и ружьем
Встречали глазом жерло пушки.
Бывало песню запою —
Прядет конь острыми ушами,
Затем мне думушку свою
Расскажет умными глазами...
Теперь мой друг уже не тот...
И чуж пир, шакал хохочет.
Иль может ворон уж клюет
Его тоскующие очи?..

1928.

Санжа Балыков.

Смерть Ад'яна.

(Окончание)*.

Урядник Ад'ян Монтанов был первый калмык и казак, присоединившийся к Степному отряду Походного Атамана, действовавшему в округе против большевиков.

Когда, через несколько дней, присоединились к степнякам калмыки Платовской станицы, а затем Граббевской и Бурульской и из них были сформированы две калмыцкие сотни, Ад'ян в одной из них стал взводным. Хорошо зная местность, Ад'ян всегда был проводником Степного отряда по ночам, по никому неизвестным тропам, по занесенной снегом Задонской степи, где непривычный человек чувствует себя словно в море без компаса. Всегдашней нахмуренностью, молчаливым упорством в боях, стремительностью в атаках и беспощадною расправою с попавшимися большевиками он многих удивлял.

К весне поднялись против красных казачьи станицы по Дону и в станице Константиновской стал формироваться первый национальный калмыцкий полк, — Ад'ян с своей сотней попал в эту родную ему часть.

Походный Атаман, лично знавший Ад'яна и его услуги отряду, произвел его в хорунжие.

Храбростью и отвагою Ад'ян быстро стал известен всему полку. Полтора года непрерывно пробыл он в его рядах, два раза был ранен, но дальше полкового обоза не уходил, а по выздоровлении поспешно возвращался на фронт, точно не вдоволь еще навоевался.

В январе 1920 года, Зюнгарский полк в составе Донских конных корпусов участвовал в несчастном походе генерала Павлова по безлюдной Задонской степи из села Веселого на станцию Торговую.

На обратном пути, когда голодные и намерзшие люди беспорядочно забивались в хаты первых попавшихся кашар, станций и сел, Зюнгарскому полку, благодаря выносливости калмыков наименее пострадавшему, было назначено для ночлега самое дальнее село Лбпанка.

Калмыки не тужили. Они знали, что потерпевший час, приедут в большое богатое село, где стоят сотни подвод беженцев калмыков, среди которых многие

*) См. № 15 журнала.

встретят свои семьи, родных и знакомых. А так как на другой день предстоял праздник „Цаган“, то многим мерещилось праздничное веселье, ласки жен и родных, сытное кушанье, кишмишевка, песни, балалайка, возможность хоть на день забыть холод, голод...

Часто переходя на рысь, быстро стремился полк на ночлег. Усталые, голодные люди и лошади напрягли последние силы.

Было уже темно, мороз крепчал. Ярko и часто вызвездило; снег под ногами лошадей стал громко хрустеть. Брови и усы у людей и морды у лошадей покрылись белым инеем, который превращался в ледяные сосульки...

Верст семь оставалось еще до села — как пронеслось по полку:

— Хорунжего Монтанова к командиру!! Квартирьеров от сотен в голову полка!!

Скоро хорунжий Ад'ян Монтанов с квартирьерами отделился от полка и крупной рысью скрылся в темноте, направляясь к Лбпанке...

Между тем, к вечеру того же дня, часа за три до подхода Зюнгарцев, Лбпанка неожиданно была занята корпусом красной конницы и трупы убитых беженцев калмыков, женщин и детей, уже валялись по улицам, а в двух-трех сараях сотни красноармейцев потешались над оставшимися в живых калмычками.

Голодный и намерзший, ничего не подозревавший Ад'ян без опасений в'ехал в село, заехал в первый двор, чтобы дать людям погреться, и был со всеми казачками схвачен красными. Узнав от Ад'яна, что идет полк, красные расставили пулеметы, зарядили пушки на картечь и, наскоро расстреляв казаков-квартирьеров, вывели Ад'яна навстречу полку, чтобы он завел его в улицу, где предположено было захватить в плен весь полк или расстрелять.

Ад'яну за это обещали жизнь.

Ничего не соображая, Ад'ян покорно согласился. Но, по мере того, как приближалось по его расчету

время подхода полка, он успокоился, собрался с мыслями и начал думать:

— Погибло все, погибнет родной полк, моя вторая семья... как его спасти... если спасу — погибну сам... а для чего жить, разве не на погибель я пошел с самого начала, когда нашел разоренным свое семейное гнездо? На что мне теперь жизнь... — мучительно пронеслось в голове Ад'яна. — За свою Алту, за сыновей, за все мое скромное счастье в жизни, разбитое большевиками, я с лихвой отомстил, а теперь...

Перерывая его мысли, в ночной тишине стал слышен непрерывный хруст мерзлого снега под копытами лошадей.

Зюнгарский полк приближался к ловушке.

— Квартирьеры?! — раздался резкий, раздраженный голос полкового ад'ютанта, всегда строго требовавшего, чтобы квартирьеры непременно встречали полк на окраине села.

— Зови, отзовись по своему, — прошептал Ад'яну комиссар, направляя на него дуло пистолета.

— Царан в'зтан!!! Ул'чуд дала!! Кулбджене!!*) закричал Ад'ян изо всей силы.

— Так, так, кричи еще, — шептал комиссар.

Приближавшийся полк моментально затих, отдаваясь послышалась рысь полка и, через минуту-две, ничего не стало слышно.

Тут только понял комиссар, что прокричал калмык на своем языке.

— Ты что...?! злобно заорал на Ад'яна комиссар.

— Стреляй меня... калмык не подведет свой полк... — тихо, но твердо ответил ему Ад'ян.

— Получай же, собака, — прошипел комиссар, поднося к глазам Ад'яна револьвер.

— Ом мани Бадме хом... — успел прошептать Ад'ян.

Глухо раздался выстрел, плотно приставленного ко лбу револьвера.

*) Назад! много красных! поджидают!

Я. Рудик.
(Прага).

* * *

Хіба забуду я коли
Степи безкраї, як море,
Які у золоті квіли,
Зеленим шовком оздоблялись.

Хіба забуду, що тепер
Вони могилами чорніють
Тих, хто за волю там умер,
В часи кривавої борні.

Хіба забуду, як пишалося
Своєю волею козацтво.
Хіба забути, — як зліталось, —
Щоб волю й стріхи боронить.

Хіба забуду дні недолі,
Як волю ворового полонив.
Хіба повірю, щоб без болю
Козацтво з Краєм розлучилось.

Хіба не чути грім кайданів,
В яких блукає воля там ---
Серед степів, серед майданів,
Під глум жорстоких ворогів!

Гнат Макуха.
(Югославия).

* * *

Віками сіяли ми волю,
Терпіли лихо і недолю;
Віки нас козаками звали,
Віками славу ми кували,
Жили в степу, жили на волі...
Тепер — ми в злиднях і в неволі.
Степи з нас лицарів зкували,
Тепер — ми наймитами стали.

Чиє ж з нас серце те козаче
Не засумує, не заплаче,
Як думка полетить з чужини
До Нені — рідної Країни?
Брати! Орли ви сизокрили!
До зброї всі, до купи, милі!
У рідний край — шукати долі,
Шукати славному козацтву волі!

Любовь Самсонова.
(Прага).

МОНАШКА.

Родимые станицы,
Кольцо полей,
Прозрачные криницы,
Цепь журавлей...
Покосы на лугах,
Степной простор...
В моих глазах
Твой утонувший взор!
.....
Монашка с посошком,
Старушек ряд...
Под черненьким платком
Лукавый взгляд.
Прошли — и на траве
Росистый след,
И на моей душе
Твой взгляд — привет!

Прошли, исчезли, даль чиста...
Кто ты? Откуда? — Я не знаю,
Но радостно тебя встречаю
Моя мечта...
.....
Будешь в старенькой церкви
За темным притвором
О грехах несвершенных молиться,
Будешь долго и скорбно
За давнее горе
Перед старой Иконой клониться...
За какой ты обет в монастырь
Столько верст прошагала босая,
По богатым станицам псалтырь
Над умершими ночью читая?...
Почему в этой жизни — другой,
Не взяла веселее ты жребий!
Почему ты прикрыла скуфьей
Своих глаз безмятежное небо?..

Эх, схватить бы тебя на коня
Да умчать бы в родную станицу,
На груди отогреть бы тебя,
Перелетную странницу — птицу!..

Алексей Персидсков.
(Брно).

* * *

Улица. Вижу с крыльца —
Конница.
Серая масса солдат без конца
За околицу
Прёт.
Кто-то орет: — Вольница!
— Ишь народ!
— Соску бы в рот,
А то... конница!

Лица у всех безусые,
Складка в оскале губ.
Господи, Иисусе Христе,
Крестит старуха пуп.

Мерно шагают, топают,
Будто и впрямь парад.
Где-то орудья гукают...
Каждый сполоху рад.

Вот вырастают мельницы,
Воздух огнист и сух.
Кровь со слюною пенится —
Слышится: бух! да бух!

Что то вылазит жуткое,
Кроет крылами всех.
Рвутся снаряды над будками
Слышен звериный смех.

Гонятся. Гонец за гонцом.
Под оконницей
Сын расстается с отцом —
Целуется
В лоб.
Поп уверяет — сбудется:
Встанет народ...

1928.

Живой труп.

Большевизм является — теперь это не может подлежать сомнению — чудовищным выкидышем истории и отнюдь не зарею нового дня освобожденного человечества, как об этом может быть искренно мечтали многие его творцы и пророки.

Советский режим — это — живой труп. Неспособный к творческой жизни, — он, вот уже годами, гниет и прозябает, отравляя международную атмосферу, лишивши миллионы населения и миллионы квадр. километров территории возможности нормального развития.

Мы мертвы — но нас некому похоронить! — так будто бы выразился однажды пять лет тому назад один из выдающихся лидеров большевизма, сейчас пребывающий в опале и в изгнании.

Если эти слова на самом деле и не были сказаны, а кем то выдуманы, то придуманы они недурно. Советский режим раньше, когда последователи его и сочувствующие ему или поддерживавшие его сами верили в его „перспективы“, мог существовать даже в атмосфере натиска и давления извне. Он задыхается в собственной беспомощности, очутившись в бо-

лее или менее сносных условиях жизни сейчас.

Большевизм — мастер в разрушении, но он — импотент в области творчества.

Блокада и угроза интервенции в первые времена, когда в большевизме много еще было от революционного пафоса, — искусственно поддерживали его жизненную энергию. Предоставленный самому себе, — он начинает гнить и разлагаться. Вот почему мы сейчас являемся свидетелями очевидного внутреннего развала советской государственной машины. Имеется на лицо много симптомов того, что советы очутились на пороге нового затяжного внутреннего кризиса. Можно бы было даже сказать полного банкротства изнутри.

Московские государственных и политических дел мастера прибегают ко всякого рода „вспрыскиваниям“, чтобы хотя немного поднять жизненную энергию агонизирующего советского трупа. Примером может быть недавний кошмарный шахтинский процесс, еще раз блестяще показавший, что советская юстиция базируется на провокации, что ей чужды элементарные правила судебного приличия. Крыленко еще раз показал себя заплечных дел мастером, хотя на этот раз должен был удовлетвориться только пятью человеческими жертвами.

Как раз шахтинский процесс обнаружил отнюдь не то, что было желательно его творцам: не опасность интервенция извне или контр-революции внутри, а маразм и взяточничество самого советского бюрократического аппарата. Во всяком случае, как „укол“ для искусственного возбуждения большевицкого „живого трупа“ — этот процесс — не достиг своей цели и не спас положения.

А оно с каждым днем хуже, хотя советские власти и стараются всеми силами замаскировать безвыходность своего положения.

Но факты труднее утаить, чем пресловутое шило в мешке.

А фактом является, что над СССР. — нависла темная туча продовольственного кризиса, угрожающая разразиться в недалеком будущем стихийною катастрофою нового голода. Как и во времена военного коммунизма, хлеб и мука снова выдаются по карточкам даже на Кубани! Порции небольшие, а очереди — очень хвостатые. Особенно — на Украине — этой бывшей житнице России, такая система дает себя больно чувствовать: в очереди приходится стоять с 5 часов утра.

Правда, большевицкое правительство производит сейчас в спешном порядке закупки чужого зерна и особенно пшеницы, напр. в Канаде, но это обстоятельство только ярче подчеркивает критическое положение внутри Совдепии.

Многие симптомы убедительно показывают всю безнадежность его. Напр., недавние волнения рабочих на биржах труда в Москве и Ленинграде, усмирённые при содействии красной армии.

Советское правительство сначала их замалчивало, но сведения о них всетаки проникли в европейскую прессу.

Хорошо осведомленный московский корреспондент — „Соц. Вестника“ посвятил им свое очередное письмо, из коего явствует, что эти волнения очень симптоматичны и обусловлены многими причинами, явно вытекающими из внутреннего критического положения в С.С.С.Р.

Там господствует сейчас всеобщий пессимизм всех и вся. Народ изверился. Никаких перспектив впереди, как общественного, так и личного характера.

Экономическое обновление — потерпело фиаско. Культурный подъем — очутился на мертвой точке. Всемирная социальная революция — по непредвиденным обстоятельствам — была сдана в архив неизвестного будущего.

Надежды на Европу не оправдались. Здесь в Европе, революционный пыл погас совсем. Все попытки искусственно раздуть тут пламя бунта — заблаговременно обречены на полнейшую неудачу, как об этом блестяще свидетельствует полное фиаско „красного дня“ в Праге.

А в то же время там, внутри страны, свирепствует безработица, увеличиваемая попыткой рационализации труда и связанным с этим увольнением и вообще уменьшением занятого контингента рабочих сил. Новинка 7 ч. рабочего дня — является плохим пластырем на рану массовой безработицы, особенно, когда одновременно со всех сторон надвигается кошмарное предвидение голода.

Растет нищета — особенно среди детей и стариков. Растет проституция — тоже среди малолетних и старых. Толпы беспризорных детей попережнему свирепствуют по всей территории С.С.С.Р.

Какая ирония и почти издевательство над максималистическими идеалами большевицкого коммунизма, объявившего непримиримую войну этим социальным болезням капиталистически-буржуазного общества, а теперь самому ставшему жертвою их почти эпидемического распространения!

Психологически вполне понятно, что такое критическое внутреннее положение очень и очень благоприятствует пессимистическому, чтобы не сказать паническому, настроению среди населения советского „Союза“.

В такой атмосфере создается идеальная почва для политической фантазии и дезориентации. Все слушают, всему верят. Ничто не кажется невозможным. Война? — почему нет. Ведь большевики как раз и спекулируют на этом, считая угрозы войны не плохим средством для временного „успокоения“ внутри.

А может быть что-нибудь другое? — Кто знает? Все возможно и всего можно ожидать.

И действительно все ждут чего-то. У всех жгучее предчувствие, что — что то должно случиться обязательно и неизбежно. Когда? Где? И как?

Этого никто, конечно, не знает и, тем более, что предчувствие чего-то неведомого, но неизбежного всех поголовно волнует и гнетет.

Сам Сталин — раздавивший беспардонно большевицкую оппозицию и победивший даже

самого Троцького — сейчас присмирел как-то, чувствуя себя капитаном корабля без руля и без карты.

Большевицкий „живой труп“ — снова в полагонии. Как долго будет длиться этот очередной обморок московской опричины?! — Трудно ска-

зять. „Живой труп“ — не подчиняется законам биологии. Большевизм не укладывается пока в рамки социологической теории.

История недалекого будущего покажет умирает ли действительно этот „живой труп“ и найдутся ли те, кто смогут его похоронить...

Медарь Сем.

Переселення чорноморців на Кубань.

I.

Нова Січ.

1. Україна і Січ. Життя України в другій половині XVIII століття проходило під знаком політики московської сословної монархії, яка намагалася зрівняти всі характерні риси та своєрідні властивості українського люду.

Це був період, коли вільними і невольними гріхами почасти самої української інтелігенції, а почасти й всього люду підготовлявся ґрунт для введення загально російських порядків на терені їх Батьківщини.

Передовсім тут були причини політичні, а головню економічні, які перетворювали соціальний лад на Україні. Московський поміщицький устрій тягнув до Чорноморських берегів і намагався українськими ж руками визискувати плодючі українські лани.

Там ходом всіх подій підготовлювалося поневолення українського селянства та скасування козацько-суспільного устрою.

На півдні вільне, незалежне Запорожжя оточувалося з трьох боків новими укріпленними лініями, по яких оселилися слобідські полки.

Український форпост на Дніпрі — Славне Військо Запорізьке Низове, — охоронець православної віри і захистник всіх тих, хто не витримував злої долі України, вже ставав „більмом в оці“ центральному російському уряду.

І може не так Москві та Петербургові, як своїм же українським „дукам“ — поміщикам, бо захватні тенденції їх спинялися кордонами „Вольностей Запорізьких“. На самому Запоріжжю теж вже вводився новий суспільний лад, в якому і українському втікачеві — хліборобові вже знаходилося місце і де він був під меншим визиском і більшою охороною, ніж у свого бувшого пана.

Доля цілої України відбивалася і на населенню Запорожжя, козацтво якого в переважній частині, а поспільство — виключно, комплектувалося з обох берегів Дніпра.

Доля України тягла за собою і долю Коша Запорізького, який в цей час втворював у себе цілком оригінальний свій суспільний лад.

2. Під турком. Кіш Запорізький вже один раз вдарився з російською державою і був примушений залишити рідні землі і вийти в першу еміграцію.

Було це р. 1709, перед національним нещастем України — Полтавською битвою. Тоді Чортомлицька Січ, яку вперто боронив наказний кошовий Богуш, була зруйнована російськими військами, при допомозі двох реєстрових полків під проводом Гната Галагана. Лише незначна частина оборонців втікла від катування лютих переможців, а незабаром і головним силам Коша, після полтавської поразки, прийшлося шукати притулку на землях хана Кримського.

Там запорожці заснували нову Січ на р. Кам'яній, біля Дніпра, але не на довго. В 1711 р. Кошовий Гордієнко з ханом вибралися війною на самарські городки*), які були засновані по північному кордоні Запорожжя, а звідти подалися на Україну. Союзникам прийшлося відступити і Кам'янська Січ була зруйнована ро-

сійським генералом Бутурліним і гетьманом Скоропадським.

Військо осіло Кошем на новому місці — біля Алешок, на Дніпрі.

Алешки дуже далися в знаки січовому товариству: крім нужди та страждань, вони ще не мали і спокою. Російська дипломатія намовляла хана проти козацтва; татари запорожцям не довіряли, та до того багато шкодила ще і безнастанна сварка партій „московської“ та „кримської“.

Меншість, ще за життя Петра I почала робити заходи, що до повернення „під царську руку“, на старі землі. Але „кримська“ партія Гордієнка була тоді ще остільки сильною, що могла не допустити здійснення мрії „московців“, та і сам Петро I зовсім не мав наміру допускати організований поворот Запоріжців на свої „Вольности“.

Він нічого не мав проти повороту їх на Україну та і то одиночним порядком, але наказав „вооруженою рукою воспрещать запорожцям селиться в Сечи (Чортомлицькій) или других прежних их жилищах“.

Катерина I продовжувала політику Петра по відношенню до запорожців. Вона наказувала строго стежити за ними, не дозволяти українцям мати з ними зносин, при торговельних поїздках до Крима забороняла заїздити до Запоріжців „под жестоком наказанием и отнятием всего того, с чем кто туда дерзнет поехать“.

За Петра II відношення до запорожців наче б то і покращало, але ще в 1728 р., було наказано Гетьману Апостолу, що наколи б запорожці об'явилися „многолюдством и с оружием“, то їх не допускати до кордонів імперії, и „от границ отбивать их оружием“.

Але в той же час наказували „обнадежовать их секретно, под рукою, что при способном времени приняты они, запорожцы, будут“.

Росія б вже і хотіла прийняти їх до себе, щоби захистити свій південний кордон від татар, але боялася війни з Турцією з за цих же запорожців.

До того ж і у самих запорожців кошова партія „московської“ зверхности набрала вже великої ваги і мала міцну підтримку від тих своїх товарищів, що сиділи по Самарі під „царською рукою“. Поміж запорожцями самарськими і кримськими була велика ворожнеча. Кіш рахував перших своїми підданцями, вони ж не визнавали цього. Сталося навіть що останні скориставшись тим, що з Кошу козаки пішли на Кубань замиряти черкесів, зруйнували Січ, за що потім січовики, повернувшись з походу, жорстоко помстилися.

Теперь знов зробився заколот: Самарський полковник прийшов с козаками до Січі, щоби її перенести на старе місце. Кошового Гордієнка і суддю закували в кайдани, обрали нового кошового Івана Гусака, поруйнували будови и після 14-ти літнього перебування в Алешках, забравши Військові клейноди, козаки перейшли на старе місце, до Чортомлицької Січі.

Однакож Росія вважала прийняти запорожців під свою руку, і посидівши два роки, вони з наказу хана Белли Гирея мусли повернутися на Кам'янку, де ще висиділи чотири роки.

*) Р. Самара — лівий приток Дніпра.

3. Січ на Підпільній. 28 березня (марта) 1734 року запорожці використали нагоду — коли хан наказав Війську йти під Хотін і Кам'янець-Подільський, вони піднялися всім Кошом, вирушили водою і степом і прибувши на р. Підпільну, повище приплива Дніпра, Базавлука, осіли під державу російську „во вечные часы служить“.

Січове товариство з кошовим Міклашевським складо 29-го травня (мая) 1734 р. про це запис „в память потомную“ і припечатавши його великою кошовою печаткою, покляло під престол Січової церкви.

Січовики негайно прийняли за впорядкування своїх Вольностей: заняли старі землі, розбили їх на п'ять паланок (округів) і надіслали до цариці дві депутації просити про різні „милости“. Обласкани повернулися депутати до дому.

Султан байдуже віднісся до переходу запорожців, лише хан довгий час намовляв їх до повороту під його владу, обіцяючи всякі дідра.

Запорожці цілком затримали свій устрій і організацію. Округи (паланки) зростали; в 1735 р. їх було вже шість: Гард, Інеул, Кодак, Самара, Калміус, Прогної. В р. р. 1766—68 коли степ запорожський широко колонизувався „підданцями“ — поспільством, заснована була ще Орельська паланка, а з Самарської відокремлена південна її частина під назвою Протовчанська.

Паланочне управління складалося з полковника, осаула та писаря, з певним числом службового козацтва і виконувало обов'язки „управления атамана отдела“, з тією різницею, що паланочне управління користалося ще і судовою владою, в провинях маловажних, за більші судили в Коші — Січі.

Паланочний полковник був звичайно кур'ним отаманом якогось куріня. Спочатку вони обиралися Радою, а з кінця 50-х років XVIII ст. займали паланки по черзі курінів.

Добробут Січі зростав. Запорожці користувалися правом безмитної торгівлі з Росією; були звільнені від усяких зборів і оподаткування, від підводної відповідності.

Військо трималося Москви і проказувало їй незамінні послуги, зокрема в новій війні з турками р. 1735. Головнокомандуючий фельдмаршал Мініх прямо таки був натхнений Запорожцями і козакою доблестью, по його докладу цариця зокрема дякувала Кіш і передала в р. 1736-му „вновь сделанные“ клейноди.

Але не дивлючись на благосклонність царщи, урядові кола „привлежно наблюдали“ за січовиками, навіть Мініх писав, що вони „люди дикие“ і що заняття Очакова російським гарнізоном „держит в узде диких запорожцев“, зовсім так, як Азов держав „в узде“ донців.

З р. 1736 в самому серці Січі був збудований „Новосеченский ретреншамент“, в якому постійно перебував батальон російських військ. Російські ж гарнізони стояли в Переволочні, Богородицькому та Биркутському форштатах і на старій Чортомлицькій Січі.

Само собою розуміється, що така політика Москви дуже не подобалася козакам. „Засіла московська болячка у саму печінку“ говорили вони про гарнізон в Січі. Стале втручання російського офіцера в козацькі справи не раз страшенно обурювало запорожців; виникали різні непорозуміння, доходило до бійок і кровопролиття і стало скаржилися одні на других своїм у начальству.

4. Боротьба за Вольности. В адміністраційному відношенні Військо підлягало через „Коллегию Иностранных Дел“ безпосередне Правительствующему Сенату, який вже від себе передав „верхнюю команду“ Київському генерал-губернаторові. Властиво це був посередник для розгляду скарг між Військом та його судами: татарами, поляками, донцями, росіянами, українськими слобідськими полками.

Інак Військо користувалося повною державною автономією.

Кошова старшина не раз просила змінити січові порядки на зразок донських та яцьких (уральських), для обмеження „своевольств, того подлого і злодейственного народа“ як писав, наприклад, Військовий писарь Чорнявський в 1750 р. на височайше їмя, клопочучися про те, щоби зробити Кошового безсміним. Звичайно, що всі ці заходи робилися „ревнуя к прира-

шению Вашего Императорского Величества Государственной пользы.“

Взагалі во всій історії боротьби Запорожжа за свої Вольности не так шкодили Війську „чорти, як оті чортинята“, яких було досить і на самому Запорожжю.

В самій Січі йшла з перемінним успіхом вперта боротьба старого козацтва і головно „сіроми“ проти заможного старшинства. Боролися „самостійники“ з „автономистами“ і в цій боротьбі прихильники московських порядків часто виходили з Рад з побитими ребрами; іноді їм приходилося відсиджуватись, спасаючи своє життя, в московському ретреншементі, а то і в кріпості Кодаці і чекати, поки розбурхана сірома не втихомириться.

Кошова старшина була так тероризованною, що не оповажувалася дуже настоювати на проведенні губернаторських приписів і ордерів в Січове життя. Вибори старшини ставали все бурхливішими та бурхливішими, і з половини XVIII ст. вони вже робилися двічі на рік: як звичайно поміж Новим Роком і Водохрещем і літом: поміж Іваном Купалою і Петрівками 24—29 іюня).

І не лише політичний момент розбурхав страсти, навіть найбільшу вагу відігравав момент економічний.

Друга половина XVIII в. і далі аж до часів безсміного дванадцятилітнього отаманування Калниша, та і при ньому, визначаються впертою боротьбою Запорожжа за територію своїх „Вольностей“ від захоплення її сунуваю з півночі „земською силою“.

Початок цієї правительственной колонізації „Новоросійского Краю“ відноситься до царювання Єлизавети Петрівни. Колонізація потім проводиться за Катерини II і приводить в решті до скасування Січі.

Спочатку запорожці намагалися боронити свої землі „законними“ шляхами: скаржилися російським властям, Правит. Сенатові, Гетьманові, вислали делегації до цариці. Все це не помогало, „земська сила“ охороняема російськими та реєстровськими полками все лізла й лізла на козацьку територію; Кіш не раз вислав цілі военні експедиції і озброєнною рукою „внимівав зайдін“, які не хотіли визнати зверхність і „підданство“ Коша, з своїх земель. Козаки руйнували оселі самовільників, палили накопичене їми сіно, забирали нажиту їм тут худобу, а самих випроваджували за кордон. Зокрема це було за часів отаманування кошового Григорія Федорова (Лантуха), який мав багато неприємностей з Гетьманом і Московією, в обороні Січових прав.

Ясно, що в Пітері були незадоволенні рішучістю Запорожжа, а до того ще спричинялися безнастанні скарги з усіх боків на поширення гайдамацтва, гніздом і притулком якого рахувалися запорожські Вольности.

Хоч як Кіш і не відхрещувався від гайдамацтва, доказував що він нічого спільного з ними не має, хоч він і сам не раз вислав на гайдамаків великі виправи, з артилерією, й винищував їх „кубла“, але нічого не помагало, нарікання на Січ не переставало.

Запорожським депутатам в СІБ. приходилося за це все вислухувати „привеликие выговоры и ругательства“ від сенаторів, обіцянки „принять у руки“, „воли не дать“, „великими командами окружить“ — „до чого не допустити Боже“, як писали депутати Кошовому.

Калнишевському вже прийшлося приміювати інші міри. спочатку він теж приводив поселенців у „підданство“, а потім сам почав закладати по кордонах Гетманщини, Слобідщини і Новоросії свою колонізацію, яко противагу колонізації урядової.

Ряд осель, залюднених підданцями Запорожжа, був форпостами Січі по кордонах, вони протистояли захватам запорожських земель. Ці міри страшенно перелякали правительственных урядовців та „малоросійську“ старшину, бо вигоди які надавав Кіш своїм у „поспільству“ могли „обезлюднить малоросійския поместья“ — так писалося в докладах проти Кошу.

І хто головно почав воювати з Кошем так це ж своя рідна по крові, українська старшина. Обурення Коша на них було таке, що Кіш в р. 1751-му офіційно протестував, що городове козацтво і їх старшина „не по праву называют себя и подписываются войском запорожским“.

5. **Кінець Запорожжа.** В решті, „на горі“ схилилися до думки про необхідність скасувати Січ. Допомогали цьому апетіти великих панів, які зазирали на широкі степи Запорожжа.

Нова війна з турками р. 1769-74, на де який час затримала здійснення присуду над Кошом Запорожським, доля якого була вирішена.

Не дивлючися на чудеса хоробрости січовиків, на видатну їх допомогу царській армії, царицею був виданий наказ скасувати Січ при допомозі тих військ, які поверталися до дому, з турецького фронту, через землі Запорожжа. Передав його для виконання генералу з сербів Текелію, сам „товарищ“ Канівського куреня Грицько Нечоса — світліший князь Потемкин. Тоді, як і тепер, була велика мода поміж „великими панями“ записуватися в козаки.

Не чекали козаки, що їм так віддячать за послуги цариці і не готовилися до зустрічі російських військ.

До того ж ще в сей трагічний час, в С.П.Б. клопоталася делегація з Сидором Білим і Антоном Головатим на чолі, щоб відстояти Запорожжа, бодай хоч і за великих уступок.

Але доля козацтва була вирішена; „розделиша ризи моя и (об одежде моей) меташа жребий“, писав Головатий кошовому, не добившись нічого у Потемкина.

Коли делегація повернулася до Коша, то його вже не існувало. 4-го червня (юня) 1775 р., оточив Текелій Січ Запорожську 60-ти тисячним війском, десятки тисяч другого війська під командою інших начальників розійшлися по віддаленим паланкам. В самій Січі не було і 10000 запорожців, бо всі розійшлися по зимовниках, або полювали, або рибалили далеко від неї.

Все ж таки запорожці розбили арсенал і скопилися зброї і як би не січовий архимандрит Володимир, який з хрестом в руках умовляв на останній Раді не проливати християнської крові, то ще не відомо, якою б ціною заплатило російське військо за січові руїни. Погрози архимандритові гнівом Божим зробили своє діло — козаки вирішили, по друге, йти „під турка“, бо „він хоч і невірний але правди більше має“.

Кошовий Кальнишевський і військова старшина: суддя Головатий (дядько Антона), та писарь Глоба, були визвані до стану Текелія, заковані у заліза і негайно під строгим караулом надіслані у Росію. Курінні отамани повернулися до Січі і оголосили, що Війську „не бути“, а затра, 5-го, здавати зброю.

Вночі, „дунайці“ в 5-ти тисячах душ, Дніпром і суходолом, під проводом нового кошового Ляха пішли до Кізікермену, а ранком російські війська заняли Січ.

Пішли трус, конфіскації, арешти; частина старшини була віддана під суд. „Запорожець“ Потемкін вимагав для кошового, судді та писаря смертної карі, як для злочинців, але цариця на те не приступила — їх заслали: Кошового в Соловки, а решту до Сибіру, майно їх сконфіскували, навіть шукали їх боржників і збирали з них борги в царську казну.

3-го серпня (августа) р. 1775 Катерина II оголосила в маніфесті, що Січ Запорожська зруйнована на нівець і що саме ім'я запорожське „не должно далее упоминаться і вспоминаться“ в маніфесті ж були вилічені всі „провини“ Запорожжа, які принесли йому загибель і головнішою з них було стремління запорожців до утворення у себе самостійного державного життя.

Москва вела свою „Чорну книгу“ Запорожжа, в якій, як говорив Головатий, були вписані усі „добрі і злі“ діла Коша: „Нічого сенько не було забуто, лише добрі діла були написані дрібненько, як маком усяно, а „погані“ великими літерами, з горобця завбільшки — одні проти других“.

По руйнації Січі, сотки тисяч десятин запорожської землі дісталися Потемкину, Прозоровському, кн. Вяземському та іншим вельможам, як і решті прямих і не прямих учасників скасування Січі.

Кожний, хто міг оселити 13 дворів, діставав 1.500 десятин.

Чотири з половиною мільйони десятин запорожської землі було роздано панам, а саме серце Запорожжа — острів Хортицю — віддали німецьким колоністам. Зімовники старшин, з усім добром були сконфісковані. Військові капітали, гурти військової худоби і коней було віддано новим поселенцям: грекам та арнаутам, їм же віддали і церкву Кальміуської паланки, а Січову Кошову обідрали і розікрали, — з образів поздирали ризи і прикраси, каміння, медалі, срібні царські ворота порозрубали шаблями і поростягали по кишенях.

Так скінчило своє існування славне Військо Запорожське Низове та

„Ой хоч пропало славне Запорожжа,
Так не пропала слава!“

Її перенесли нащадки січовиків на Кубанську Чорноморію.

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

IX.

На 1 января 1927 г. административное деление б. Донской Обл. было следующее (в составе Северо-Кавказского Края):

Донецкий округ с центром в гор. Миллерово	8 район;
Донской „ „ „ Ростове н/Д.	10 „
Сальский „ „ „ ст. Пролетарской	10 „
Таганрогский „ „ г. Таганроге	5 „
Шахтинско-Донецк. „ „ Шахтах	9 „

В результате административных реформ, произведенных российской коммунистической властью, Земля Войска Донского, как таковая и как отдельная административная единица бывшей Российской Империи, перестала существовать. Больше чем треть ее территории (на основании статистических данных на 1-е января 1925, приведенных выше, около 67.500 кв. км.) вошла в состав соседних губерний, а остаток является составной частью Северо-Кавказского края — новой административной единицы, и разделяется на новые административные слагаемые — округа и районы, имеющие мало общего с прежними округами, станицами и волостями Войска. Иными словами, Войско Донское, как отдельная казачья община, у н и ч т о ж е н о

и вошло в состав Р. С. Ф. С. Р. на общих для всех ее граждан основаниях.

Аграрное законодательство российской коммунистической власти не признает Войско Донское за отдельную единицу, своеобразно исторически сложившуюся, и одинаково для всех граждан Р. С. Ф. С. Р. определяет отношения их к земле, угодьям и нормирует их сельскохозяйственную деятельность.

Земельный кодекс Р. С. Ф. С. Р., принятый конституцией С. С. С. Р., на основ. постановления ВЦИК'а от 30 окт. 1922 года, введен в действие с 1 дек. 1922 года и распространен на всю территорию республики.

Право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах Р. С. Ф. С. Р. отменено навсегда, и все земли составляют собственность рабоче-крестьянского государства. Земли сельско-хозяйственного значения, а также могущие быть использованными для с.-х. производства, составляют единый государственный земельный фонд, находящийся в заведывании Наркомзема и его местных органов (ст. ст. 1, 2, 3).

Право непосредственного пользования землями сельско-хозяйственного назначения кодекс предоставляет:

- а) трудовым земледельцам и их объединениям;
- б) городским поселениям;
- в) государственным учреждениям и предприятиям.

Остаток государственного фонда, по предоставлению из последнего земель в непосредственное пользование трудовых земледельцев, составляет земли непосредственного государственного владения и является государственным земельным имуществом.

Все землепользователи, ведущие сельское хозяйство на предоставленных им землях, подчиняются общему контролю земельных органов, и в отношении правильного использования предоставленных им земель несут обязанности, определяемые земельным кодексом и другими узаконениями (ст. 7).

Все граждане Р. С. Ф. С. Р. (без различия пола, вероисповедания, национальности) имеют право на пользование землей для ведения сельского хозяйства собственным трудом, которое может быть осуществлено а) в составе земельного общества, при условии соблюдения установленного обществом порядка; б) без вхождения в состав земельного общества.

Право пользования землей бессрочно и признается в виде: 1) права на земельные участки в одном или нескольких местах (хутор, отруб, чересполосные участки); 2) права на долю земли из надела земельного общества; 3) права на участие в совместном пользовании угодьями земельными обществами.

Право на землю прекращается: а) добровольным отказом; б) прекращением ведения самостоятельного хозяйства; в) выморочностью; г) переселением в иное место; д) по суду за преступление; е) занятием земли для государственных и общественных надобностей (ст. 18).

Землепользователю закон предоставляет право собственности на все сооружения, постройки, посевы и растения, возведенные и произведенные им на предоставленной ему земле.

Покупка, продажа, запродажа, завещание, дарение, а также залог земли прекращается; совершенные в нарушении этого запрещения сделки недействительны; лица виновные, помимо наказания в уголовном порядке, лишаются земли, находящейся в их пользовании.

Сдача в аренду земли (временная переуступка прав на землю трудового пользования) допускается для трудовых хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий (неурожай, пожар, падеж скота и т. п.) либо недостатка инвентаря или — рабочей силы, а также убыли последней за смертью, мобилизацией, службой по выборам, временным отходом на трудовые заработки — за уплату деньгами, продуктами или другими видами вознаграждения на срок одного севооборота, а при его отсутствии, на 3 года. Срок аренды может быть продолжен волостным исполнительным комитетом не дольше 2-х севооборотов (6 лет); дальнейшее продление срока предоставлено усмотрению уездных земельных органов.

Аренда земли допускается законом только грудювая, т. е. не больше того, сколько кто может дополнительно обработать силами своего хозяйства.

Вспомогательный наемный труд разрешается в том случае, когда трудовое земледельческое хозяйство по состоянию своей рабочей силы не может выполнить своевременно необходимые сельско-хозяйственные работы; при чем непременно должен быть сохранен трудовой строй хозяйства, т. е. все наличные члены хозяйства (трудоспособные) должны участвовать в работах, с соблюдением закона об охране труда.

Закон подробно определяет состав трудового общества, его права и обязанности, порядок трудового землепользования, а также права и обязанности трудового земледельческого хозяйства.

Трудовым обществом считаются, помимо существующих земельных обществ, сельско-хозяйственные коммуны и артели, добровольные объединения отдельных дворов, или совокупность дворов, выделившихся из прежних обществ; при чем последние должны иметь в своем составе не менее 15 взрослых трудовых земледельцев.

Членами общества могут быть все лица, независимо от пола и возраста; полноправными — достигшие

18 лет, а самостоятельно ведущие хозяйство и моложе. Вступить в общество можно путем: 1) согласия общества; 2) доприселения по распоряжению земельных органов (там, где имеются излишние земли).

Органами управления земельных обществ являются — общие собрания и выборные; при чем, последние отождествляются с сельскими советами в обществах, совпадающих территориально; в иных случаях выборными являются уполномоченные по земельным делам.

Общее собрание решает все вопросы, касающиеся земельного общества в целом — (порядок пользования угодьями, земельный устав, прием и исключение членов общества, вопросы землеустройства — хутора, отруба, земельные переделы, севооборот, угодья общего пользования при чересполосном владении, избрание уполномоченных и контроль над ними); в нем принимают участие все лица, достигшие 18-летнего возраста (муж. и женщ.). Собрание законно при участии простого большинства дворов; по вопросам землепользования — при $\frac{2}{3}$ дворов и больше $\frac{1}{2}$ всех членов общества. Постановления общества считаются действительными при условии подписания протокола председателем, секретарем и большинством присутствующих.

Общество несет ответственность перед государством за правильное и целесообразное использование находящихся в его пользовании земельных угодий (ст. 57).

Обществу предоставлено право избирать любой способ землепользования, приобретать имущество, заключать договоры, искать и отвечать на суде и ходатайствовать в учреждениях. В отношении своих членов (землепользователей), которые без уважительных причин оставляют землю, сдают ее в аренду с нарушением закона, или ведут хищническое хозяйство, истощающее землю (умышленно уклоняются от удобрения в ожидании переделов), общество имеет право временного лишения земли на срок не более 1 севооборота (3 года). Отобранная земля поступает в пользование общества.

Способы землепользования в земельном обществе законом установлены следующие:

1) общинный (с уравнительными переделами между дворами);

2) участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных и хуторских участков);

3) товарищеский (с совместным пользованием земель членами общества, составляющими сельско-хозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке земли).

При перемене обществом порядка землепользования, несогласным членам предоставляется право остаться при прежнем порядке с выделением их земель к одному месту.

Трудовым земледельческим хозяйством (двором) признается семейно-торговое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство (ст. 65).

Право на землю двора принадлежит всем его членам, независимо от пола и возраста, а представителем двора по хозяйственным делам является его домохозяин (мужчина или женщина), который, в случае плохого ведения хозяйства, постановлением вол. исп. комитета, по заявлению членов двора, может быть заменен другим лицом из состава того же двора, или опекуном.

Имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных членов двора (и домохозяина), сделанные ими для своих личных надобностей (ст. 71).

Раздел трудового земледельческого хозяйства (двора) заключается в распределении между членами двора (независимо от пола и возраста) в отдельное пользование земельных угодий и имущества, находящегося в общем пользовании всего двора; при чем раздел земельных угодий двора возможен при условии образования отдельными членами новых земледельческих хозяйств на выделяемых землях; во всех остальных случаях может быть произведено лишь распределение имущества.

Требовать раздела двора не имеют права лица, моложе 18 лет и не принимавшие участия в ведении хозяйства своим трудом или средствами по крайней мере в течении 2-х севооборотов (6 лет) (участие в

хозяйстве по случаю военной службы, мобилизации, службы по выборам не считается за перерыв).

Раздел земли и имущества производится в натуре; в отношении имущества допускается замена, выплаты деньгами или продуктами.

Раздельная запись совершается в вол. исп. комитете с указанием времени раздела, местоположения земельного участка, имущества и срока раздела.

Споры о земле и имуществе рассматриваются земельными комиссиями; споры об имуществе — народным судом.

Губ. исп. комитетам, по представлениям губ. земельных управлений, утвержденным Нар. ком. земледелия, предоставлено право издавать обязательные постановления об ограничении дробления хозяйств; при чем для хуторских и отрубных участков нормы устанавливаются нар. ком. зем., а в общинных хозяйствах недробимость может быть установлена самим обществом $\frac{2}{3}$ полноправных его членов, или отдельными дворами, при условии согласия всех полноправных членов двора.

Выходящий из неделимого хозяйства имеет право требовать выплаты причитающейся ему доли имущества (но не земли) деньгами или натурой; при этом выплата не может превышать $\frac{1}{3}$ общего хозяйственного обзаведения двора. Рассрочка допускается на 5 лет без начисления $\frac{1}{100}$.

Особое место закон отводит общественной обработке земли, для чего предоставляет право каждому обществу, независимо от существующего в нем порядка землепользования, по постановлению большинства полноправных его членов, вводить на всей площади его земель или на части — общественную обработку земли путем совместного приложения труда и общего использования средств и орудий производства при запашке, засевах земель, уборке урожая и т. п., что подробно определяется уставом (приговором) участников. Согласно совместную обработку меньшинству большинства обязано выделить землю к одному месту по общим правилам о выделах земель с соблюдением взаимных удобств землепользования.

Земли, состоящие в общественной обработке сохраняются за соответствующими землепользователями при переделах, а также не подлежат уменьшению, хотя бы они и превышали количество земли, причитающееся на их долю по разверсточным единицам. (ст. 115).

Передел земли в обществах с общинным порядком землепользования производится по особому приговору общества при простом большинстве его членов; при чем во время передела каждый двор отдельно, или совместно с другими дворами, имеет право выхода из общины к одному месту без согласия общества. В остальное время выход из общины возможен для отдельных дворов с согласия общества, а для группы дворов не менее $\frac{1}{3}$ общего количества — без согласия общества.

Каждый двор имеет право на наделение усадебным участком из усадебной оседлости селения, при чем на эти участки правила о переделах не распространяются.

Луговые земли распределяются и используются как земли пахотные. Губ. исп. комитетам дано право издавать (по представлению губ. зем. управлений) обязательные постановления и правила о мерах поощрения и понуждения к массовому улучшению лугов.

Со дня издания основного закона о трудовом землепользовании от 22-го мая 1922 г. (сбор. узакон. 1922, № 36 ст. 426) за волостями, селениями и другими с.-х. объединениями признается закрепленным в постоянное трудовое пользование то количество земли, которое ныне находится в их фактическом трудовом пользовании и было закононо предоставлено им постановлениями земельных органов или Съездов Советов (вол., уездн., губ.) из земель, предназначенных к распределению в трудовое пользование. (ст. 141.)

Дальнейшее уравнение земли между волостями и поселениями с того же времени в обязательном порядке прекращено, и задачи землеустройства ограничены созданием условий наиболее выгодного пользования землями путем устранения чересполосицы, дальнотельности и т. п., производством земельной регистрации, установ-

лением размеров и границ с выдачей населению соответствующих документов.

Земельная регистрация установлена в интересах общегосударственного управления землями, а также для надобностей различных отраслей народного хозяйства и для ограничения прав и интересов землепользователей и имеет своей задачей собирать и хранить в систематическом порядке и современном виде сведения:

а) о местоположении и названии земельного участка с указанием количества всей земли и отдельных угодий, важнейших построек и хозяйственных обзаведений,

б) о фамилиях землепользователей и основаниях, по которым им предоставлены участки,

в) об особых полномочиях и повинностях, связанных с использованием участка,

г) об иных обстоятельствах, включаемых по особым распоряжениям.

Регистрация разделяется на основную (первоначальное заполнение карт и реестров) и текущую (изменения в правовом, хозяйственном или природном состоянии участка), проводится по каждой волости отдельно и выполняется Нар. Ком. Земледелия.

Спорные земельные вопросы рассматриваются земельными комиссиями — волостными, уездными и губернскими.

Переселение и ходячество (для предварительного осмотра и выбора земель) по закону свободное и добровольное. В исключит. случаях по представлению губ. зем. управлений, утвержденным нар. ком. зем., может быть объявлено принудительное переселение с отнесением расходов по переселению и земельно-хозяйственному устройству на новых местах на счет общественных или местных средств.

Делом переселения в пределах Р.С.Ф.С.Р. ведает Нар. Ком. Зем. По его представлению, переселение в те или иные места открывается, или прекращается постановлением В.Ц.И.К'а.

Переселенцам и расселенцам законом предоставлены льготы от исполнения общегосударственных и местных повинностей (воинская повинность, налоги и пр.).

Лесной кодекс Р. С. Ф. С. Р. (собрание узаконений 1924. № 58 ст. 564) утвержден второй сессией В.Ц.И.К'а X созыва 7 июля 1923 года с введением в действие с 1 августа 1923 года.

По этому закону все леса и площади, предназначенные для лесоразведения, составляют собственность рабоче-крестьянского государства и образуют единый государственный лесной фонд, который делится на: 1) леса местного значения и 2) леса общегосударственного значения.

К первым относятся бывшие крестьянские общественные и переселенческие наделы на отрубках, хуторах, принадлежавшие сельским обществам и товариществам. Леса эти губ. зем. управлениями, по утверждению нар. ком. зем., передаются в бессрочное пользование лесопользователям, с.-х. обществам, с.-х. коммуна, артелям, всякого рода объединениям трудовых землепользователей с возложением на них обязанности по охране и правильному ведению лесного хозяйства, согласно планов, утверждаемых губернскими лесными органами.

Остаток фонда, по выделении из него лесов местного значения, составляет лес общегосударственного значения, хозяйство которого ведется по особым инструкциям нар. ком. земледелия.

Литература: Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные ген.-м. Лишиным: т. I, II ч. 1-я и 2-я, III; Прянишников. Материалы для истории В. Дон. Грамоты. Военно-энциклопедический лексикон т. I-XIV изд. 1837-1849. Брокгауз-Ефрон. Энциклопедический Словарь т. IV-A.

Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли Войска Донского. Сватиков С. Г. Россия и Дон. Памятная книжка Войска Донского на 1915 г. Свод законов Российской империи изд. 1902. Земельный закон Всеволодского Войска Донского. Земельный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. Лесной Кодекс Р.С.Ф.С.Р. Сулькевич. Административное и политическое строение С.С.С.Р. 1926 г. с дополнительной частью.

И. С-ов,

Броневые автомобили.

Военное дело осложнилось до чрезвычайности. Благодаря бешеному развитию техники, появились новые средства борьбы: и на суше, и на море, и в воздухе. Все государства стремятся, по силе возможности, заменить человека машиной и предоставить в его распоряжение многочисленные технические изобретения. Появляются механизированные армии.

Одним из могучих средств борьбы в современных армиях являются броневые автомобили.

Броневые автомобили появились в самом начале текущего столетия и первое боевое применение получили во время мировой войны 1914—18 г. г.

Основное свойство броневых автомобилей — их зависимость от дорог с твердым грунтом. В силу этого, наиболее богато снабжены броневыми автомобилями армии западно-европейских государств, где широко развита система хороших шоссе и грунтовых путей.

Скорость движения современных броневых автомобилей достигает 70—80 километров в час. Вес их колеблется между 3—12 тоннами. Запас горючего топлива хватает на прохождение 300—350 километров.

Броневые автомобили — оружие маневренной войны. ими пользуются: для разведок, для быстрого выдвижения с целью занятия и закрепления важных местных предметов (мостов, дефиле), для маневрирования на флангах и в тылу противника, для прикрытия своих отступающих частей и для преследования противника.

Применяются броневые автомобили: самостоятельно или совместно с кавалерией и самокатчиками, а также с пехотой на грузовиках. Большая скорость движения придает им большую стратегическую подвижность: при наличии хороших путей сообщения они могут легко и быстро перебрасываться с одного участка фронта на другой. Но привязанность их к дорогам является большим недостатком и облегчает борьбу с ними.

Броневые машины послевоенных конструкций, броня которых изготовлена из лучшей хромоникелевой стали толщиной не менее 8—12 мм., неуязвимы для современных бронебойных пуль.

Вооружение броневых автомобилей состоит главным образом из двух тяжелых пулеметов; на некоторых машинах, как напр., на французских системы Уайт, установлено по 1 пушке и по 1 пулемету.

Пулеметы и орудия обычно помещаются во вращающихся башнях, число которых равно 1 или 2; в последнем случае обе башни располагаются рядом или по диагонали. Некоторые машины, напр., итальянские Ансальдо, имеют две башни разной величины, расположенные одна над другой. Невращающиеся башни на машинах послевоенных конструкций встречаются как исключение, напр. у чехословацких, системы Р. А II, которые, между прочим, вооружены не 2-мя, а 4-мя пулеметами.

По конструкции все четыре колеса у бронемашин — ведущие; скорость переднего и заднего ходов одинаковая; машины имеют заднее рулевое управление.

В организационном отношении броневые автомобилиные части входят в состав войсковых соединений или же составляют особый род войск в соединении с танками и бронепоездами.

Во Франции броневые автомобили сведены в дивизионы, включенные в состав кавалерийских дивизий. Броневой дивизион состоит из 3 эскадронов, по 3 взвода в каждом. Во взводе — 3 броневых автомобиля, 1 легкий и 1 мотоцикл. Всего, т. обр., в дивизионе 27 бронемашин, число которых в военное время предполагается довести до 45. Во французской армии приняты машины системы Рено, Пежо, Остин, Ситроен и Сен-Шамон. Личный состав комплектуется, гл. обр., из состава кавалерийских частей и подготавливается по принципу взаимозаменяемости.

В Англии броневые автомобили сведены в роты, которые, совместно с танковыми батальонами, входят в состав королевского танкового корпуса. Рота разделяется на 3 взвода по 4 бронемашин в каждой. Следовательно, в роте — 12 броневых автомобилей. Танковый корпус подчиняется непосредственно главнокомандующему, который, по мере надобности, распределяет танковые и автоброневые части по армиям, для придания их соответствующим войсковым соединениям. Системы английских броневых автомобилей: Ланкастер, Ролль-Ройс, Пирлес и Кросслей.

В Италии организация броневых автомобилей предусматривает придачу их танковому корпусу, или же сведению в самостоятельные броневые дивизионы в составе нескольких отрядов из 2—3 отделений каждый, и по 2—3 бронемашин на отделение, т. е. по 4—6 машин в отряде. На вооружении приняты системы Ланчия и Фиат.

В Германии броневые автомобили приданы кавалерийским дивизионам. В каждой из них имеется 1 броневая эскадрон, состоящий из 12 бронемашин. Системы: Даймлер, Эргард и Бюссинг. Германская полиция снабжена броневыми автомобилями системы Бенц.

В Польше сформированы автомобильные дивизионы из 3 рот каждый, причем третьи роты являются броневыми, имеющими по 4 взвода. Во взводе — 8 бронемашин. Таким образом, на дивизион приходится 32 броневых автомобиля. В военное время каждому корпусу придается по 1 автоброневой роте. Броневые части комплектуются лицами, прошедшими специальный курс в автомобильной школе, учрежденной в Варшаве.

В Румынии имеется 1 батальон броневых автомобилей, входящий в состав „полка боевых повозок“. В батальоне две роты по 4 взвода в каждом; во взводе 2 отделения, по 2 машины на отделение. Кроме того, в каждой роте есть еще одна бронемашина — командная. Итого, в батальоне — 34 броневых автомобиля.

В Чехословакии приняты на вооружении броневые автомобили системы Р. А и Ансальдо.

В Литве сформирован 1 автоброневой дивизион, состоящий из 2 взводов, по 3 бронемашин в каждом взводе. Всего 6 машин.

В Латвии существует одна автомобильная рота, входящая в состав автотанкового дивизиона технической дивизии. Рота смешанного состава: 1 взвод танковый (2 танка) и 1 взвод броневых автомобилей (3 бронемашин). В военное время взводы разворачиваются в роты двухвзводного состава.

В Эстонии имеется автотанковый дивизион в составе 2 рот танковых и 2 рот автоброневых, по 6 бронемашин в каждой. В военное время рота развертывается в 4 отряда по 4 машины в каждом.

В СССР автоброневые части содержатся не в полном составе. До сих пор сформировано 8-9 автобронедивизионов и 3 отдельных отряда. Дивизион состоит из 3 отрядов. В каждом отряде 4 броневых автомобиля, из коих — 3 пулеметных и 1 пушечный. Некоторые машины — устарелых систем. Дивизионы распределены по военным округам.

В заключение приведем таблицу*) с некоторыми характерными данными, наиболее распространенных броневых автомобилей, принятых на вооружении в европейских армиях.

Организацию автоброневых частей и данные, приведенные в таблице, все казаки — и в особенности казачья молодежь — должны усвоить и не забывать. Всякое знание пригодится при восстановлении собственных вооруженных сил.

*) См. стр. 13.

ТАБЛИЦА.

Государства.	Система машины.	Вес в тоннах.	Вооружение.	Команда.	Максимальная скорость клм. в час.	Радиус действия в клм.
Франция	Уайт	6.	1 пушка и 1 пулемет	4 челов.	25.	300.
"	Остин	5,8.	2 пулемета	5 "	40.	180.
"	Пежо	—	1 пушка и 1 пулемет	4 "	60.	300.
Англия	Ролль-Ройс	3,5.	1 пулемет	4 "	70.	300.
"	Пирлес	6,1.	2 пулемета	5 "	40.	150.
Италия	Ланчия	3,6.	1 пушка и 1 пулемет	5 "	80.	300.
Германия	Эргард	7.	2 пулемета	6 "	60.	350.
(И большинство малых государств)	Даймлер	9.	2 пулемета	11 "	40.	300.

Вл. Куртин.

Султан Довлет Гирей.

... Когда выберешься из хутора Романовского, чьи улицы похожи на глубокие реки вязкой грязи, а площади — огромные вонючие болота, и когда переедешь железнодорожный мост — заберешься в пески, из которых вас с трудом вытащат кони на гору.

Через многочисленные водомоины, около огромного глубокого яра вьется дорога в гору... Желтые бока яра, с нависшими глыбами глины, предательски осыпаются, дрожат... Вот, вот обрушишься вместе с этой сыпкой тяжелой глиной на дно яра...

С кургана, что насыпан Бог весть когда и кем на самой верхушке горы, путнику открывается такой чудесный вид на Кубань и Закубанье, что он, в восхищении станет тут и долго жадно впитывает в себя бесподобные узоры того огромного ковра, что соткала природа и распростерла между белоснежными горами и высоким, правым берегом Кубани.

Затейливыми кружевами тянутся на горизонте с запада на восток обрисы гор главного хребта. Оттуда, из синих далей, прижимаясь к высокому правому берегу, летящая Кубань. Быстро скользит по камням, устремившись ровно на север. Но, не дойдя до Темижбекской станицы, круто повернула к западу и понеслась, резвясь и ширясь в обе стороны, к родному морю...

С южного бока кургана — обрыв. Под обрывом пологая гора, вся в фруктовых садах и виноградниках; еще ниже — лес... Высокий мост через Кубань. А с моста точно стрела ровная, полетела к узорчатым снежным горам железная дорога. Лет ее виден до самого Армавира, чьи дома и церкви маячат в мареве. А над ним, точно сокол, надвинулся хмурый Прочный Окоп.

Ну и широка-же ты, Прикубанская степь, самобранка - скатерть! Что только не видит око на ней! — Станицы, хутора, экономии, длинные полосы леса, высокие трубы мельниц и заводов, тысячи стогов сена, сотни тысяч копен хлеба... По этому, видимому с кургана простору, бродят сотни тысяч тонкорунных овцемеринсов, десятки тысяч коней и рогатого скота...

... — Видите-ли, вон там, под Григорнолисской горой, где лес дальше в степь забрался?

— Вижу.

— Теперь смотрите на запад. Видите на горизонте лес, что с юга уперся в гору под Усть-Лабою?..

— Вижу.

— Все это когда-то было наше. Всем этим простором владели князя Гирей...

Случай хотел, чтобы на этом пикете, с которого видна добрая треть Кубани, я познакомился с султаном Довлет Гиреем.

Сухое волевое типичное лицо горца-черкеса, высокая порывистая фигура, мягкий голос и безукоризненные манеры джентльмена.

Благородство, этот существеннейший расовый признак черкеса, усилено у султана высокой интеллигентностью и культурой. Восточное рыцарство смешалось

с зап. европейским джентльменством; романтика — с трезвым взглядом на жизненные задачи, стоявшие перед родным краем. Либерал вообще, в одном он был „консервативен“ до бескомпромисности: строгое проведение в жизнь доктрины Монро:

— Кубань — кубанцам.

Кубанцы-же, по его убеждению, только черкесы и казаки.

Его глубоко нозмушал грубый „Draug“ мужика, профанирующего вольнолюбивый Пшиз. „Мужика“ он не любил. Не как крестьянский земледельческий класс, но, в его понимании, как грубую, распоясанную силу, внесшую, особенно в последнее революционное время, на Кубань дух торгашества, лицемерства, низкопоклонничества и деспотизма, а в то же время считающего себя какой то „культуртрегерской“ силой. Ибо де, казаки и черкесы — азиаты и культивировать свой край неспособны... А его, султана, идея и была: как раз мобилизация всех живых сил Края на экономическо-культурный бой с непрошенными „культуртрегерами“. Он мечтал об организации станиц, имеющих общие экономические интересы, в одно экономическое целое, которое бы проводило в жизнь мероприятия, отвечающие всем хозяйственным запросам данного района.

— Вот, познакомьтесь с этими „делами“, — сказал мне однажды султан, подавая пузатый портфель.

— Что это?

— Памятник Гиреям...

? . .

— Видите-ли, я хочу, чтобы Край, где теперь живет столько казаков, а который когда то целиком принадлежал моим предкам, никогда не забыл о Гиреях. Хочу оставить память о князьях Гиреях...

Это был детально разработанный проект трамвайной линии между станицей Кавказской и хутором Романовским; проект договора султана (и самый договор) с обществом станицы, как предпринимателя, и огромная переписка по этому вопросу с Петербургом.

До 17 года судьба этого трамвая была точно такая-же, какая постигала и вообще все благие начинания, возникавшие по инициативе казаков. Петербург „отклонял“, находил „несвоевременным“, „несогласующимся с особыми заданиями, предъявляемыми к казакам“ или, просто

— не разрешается.

— Какой там трамвай, когда ежедневные поездки в Романовский и обратно — готовые ежедневные скачки с препятствиями... А это и есть одно из заданий. Точь в точь, как на Дону: бурдски, вместо мостов.

После революции, султан Довлет Гирей с новым жаром принялся за осуществление своего старого проекта, прибавив к нему еще и проект сети узкоколейных железных дорог, связывающих богатые хлебом северо-восточные станицы со станицей Кавказской.

С каким терпением просиживал он часами и часами в различных станичных комиссиях, хладнокровно, вни-

мательно выслушивая часто и такие речи, от которых уши вянут. И как искренно радовался, когда находил в станичных сборах не только готовность немедленно вступить в Общество, но и хотя-бы только сочувствие, понимание важности осуществления этих проектов.

Поднять экономическую мощь родного края: сельское хозяйство, технику, промышленность до западноевропейского уровня — было его сокровенным желанием. Даже на высшую ступень. Ибо находил, что Кубань имеет к тому все данные.

Довлет-Гирей не был предприниматель-коммерсант. Меньше всего коммерсант. Это был скромный, культурный работник, но работник с широким кругозором, прекрасно видевший, что от „колонизаторской“ агрессивности так нелюбимого им русского „мужика“ еще недостаточно оградиться политической стеною, но нужно защититься и экономически. Все должно быть в руках кубанцев. Кубанцы должны быть истыми хозяевами своей Кубани. А для этого должны быть подготовлены кадры национально-культурных работников. И султан Довлет-Гирей разрабатывает проект новой „казаче-черкесской“ школы. И главной задачей для новых школ ставит: сохранение старого патриархально-рыцарского духа в рамках новых культурных условий жизни...

Он чрезвычайно интересовался работой Рады и, кажется, природу и технику парламентаризма знал прекрасно. Не даром же он столько лет прожил в Лондоне. Не пропустил ни одного заседания Рады, а его постоянный номер в „Европе“ всегда был полон депутатов, казаков и черкесов.

В Екатеринодаре Довлет-Гирея можно было часто видеть в обществе Василия Ивановича Немировича-Данченко. Черкесский князь и старый русский писатель со-

шлись в своем отвращении к „распоясанной силе“. Это в то именно время В. Ив. написал свое знаменитое „письмо“ к русскому солдату, осыпав его эпитетами совершенно противоположными тем, которыми прежде так щедро его сам же награждал.

Сидели однажды за столиком в „Чашке Чая“, что на Красной улице, султан Гирей и В. Ив. Третье место за столиком было резервировано. Но подошел русский солдат, ввалился между ними, не обращая ни малейшего внимания на протесты, заказал себя гуляш и, громко чавкая, принялся есть. Когда подошла дама, которую поджидали Вас. Ив. и султан, оба встали, предлагая ей свое место. Но дама видя „ситуацию“, улыбаясь, отклонила предложенное место и так все трое остались на ногах. А „сознательный русский солдат“, выловив руками мясо и выпив сок прямо из тарелки, вытер о скатерть пальцы, громко заказал:

— Эй, две порции клубничного мороженого!

Василий Иванович в бессильном гневе стучал о пол своей толстой палкою, а султан, обращаясь к даме, говорит:

— Вот пример того, что водворяет у нас русский мужик — хамство.

... Катастрофа надвигалась. Хам распространялся по всей Кубани. Султан хотел укрыться от этой мерзости в одном из горных аулов. Но на пути из Екатеринодара его схватили...

Смерть его была ужасна: его сожгли живым на костре...

... Светлой памяти, благородный рыцарь!.. Ты не успел создать „памятник Гиреям...“ Но не забудут тебя горы и казаки... И осуществляют оставленные тобою в аманет твои проекты.

Д-р С. Федоров.

Казачество по советски.

(Вместо рецензии).

„Заставь дурака Богу молиться, он и лоб пробьет“.
(Народная поговорка).

Михаил Донецкий. Донское Казачество.
(Историко-публицистические очерки).

М. Лола. О Кубанском Казачестве.
(Изд. Севкавказга).

„Отношения между Советской властью и казачеством, на протяжении революционных годов, можно разделить на два периода.“

Первый — охватывает гражданскую войну и первые годы сейчас же после окончания этой войны.

Второй период начинается с момента перелома политики партии в деревне, когда Советская власть и партия решительно взяли курс на сближение с деревней, „вернулись лицом к деревне“ — говорит б. Северокавказский правитель Микоян в предисловии к брошюре Донецкого — „Донское казачество“.

Этот поворот вызвал у компартии и Сов. власти необходимость „разъяснить казачеству его бытие и сущность“. Разумеется, что разъяснение это должно было последовать в духе директив московской власти, но казачьими устами.

Сию важную роль приняли на себя два казака-коммуниста, небезызвестных „революционно-большевицких деятеля“: Михаил Донецкий и М. Лола, в настоящее время причастные к казачьим архивам и историческим работам в области казаковедения, как это видно и из содержания книжек и из советской прессы. Донецкий является в то же время и автором сценария нового большого советского исторического фильма „Кондрат Булавин“.

„Целью этого небольшого труда является коротко рассказать хлеборобу-казаку историю кубанского казачества и на основе его разъяснить, что такое сословная рознь между казачьим и иногородним населением станицы и кому эта рознь нужна и выгодна“, пишет Лола. „Сословная рознь в станицах имеется и на ослабление идет весьма медленно.“

Казаки и иногородние еще не считают себя равноценными гражданами, не считают себя братьями и ведут между собой вражду“.

„Цель этой книжки — дать казакам краткое представление об их далеком прошлом, о том, что тщательно скрывалось и искажалось царизмом и его приверженцами“, говорит Донецкий.

„Первая попытка, хотя бы в общих чертах пролить некоторый свет на те уголки казачьей истории, которые казачьи верхи скрывали от народных масс или представляли в совершенно извращенном виде, зачастую выводя Разина, Булавина и др. в виде разбойников, тогда как они были подлинными революционерами своего времени“, — указывает и Микоян.

Что же, дело благое! То же самое делает и эмигрантское казачество на страницах своих журналов, освещая былое казачества.

И правда, если взять историческую часть советских брошюр, то советские авторы как будто прямо списали свои очерки со страниц наших журналов; оно и понятно — материалы в распоряжении всех писателей были одни и те же.

„В годы царизма историю Дона и Донского казачества писали много раз; писали сторонники независимости, самостоятельности Войска Донского, писали и яркие приверженцы российского самодержавия. И те и другие старались отмежевать казаков от обездоленного царизмом и помещиками крестьянства и привить им чувство „национального“ патриотизма; по их „истории“

выходило, что донские казаки — какие-то особые люди, ничего общего с русским народом не имеющие.

И все это делалось для того, чтобы поставленные в привилегированные и выгодные экономические условия казаки легче могли быть использованы самодержавием и его приспешниками...

Еще и теперь, порою, можно слышать среди стариков-станичников: „мы, мол, люди не русские“! С этой сказкой надо покончить. Теперь настало время показать донцам их далекое прошлое в правдивом освещении“, повествует Донецкий.

Итак, и по Донецкому и по Лоле, по их „правде“, казаки — привилегированное сословие, поставленное в выгодные экономические условия. Эти басни мы слышали и слышим не раз и о них много было говорено на страницах казачьих журналов. Сущность их и вся их дутость достаточно были разъяснены в свое время. По Донецкому, даже исконное право каждого казака на землю было „привилегией“. „По существу привилегии были действительными привилегиями для казачьей верхушки и интеллигенции. Земельные наделы, напр., „пай“ неизвестно за что и для чего получали лица, ничего общего с земледелием не имевшие, — офицеры, торговцы, чиновники, попы и т. д.“, забывая казачье правило: „без пая не казак“, пишет он.

Обоим авторам поручено доказывать определенно, что казак и русский крестьянин — одно и то же, что различия между ними нет.

Так Донецкий и пишет.

— „Кто такие донские казаки в прошлом? — Российские крестьяне, бежавшие на Юг от рабства; смелые люди, не мирившиеся с боярским гнетом, любившие свободу и потому уходившие в привольные донские степи“.

Также определяет казачество и Лола, приводящий на первой же страничке своего произведения слова самого „русского старосты“ Калинина:

„Казачье население, это — потомки тех предков, которые бежали когда то из Московской области от гнета и насилия. Эти люди не выдерживали гнета и насилия, убивали помещиков, убегали на вольный Дон и там селились“.

Для вящего доказательства приведены и выдержки из трудов самого „советского бога“, Карла Маркса, в 60-х годах минувшего века занимавшегося специальными исследованиями казачества, Разиновщины и русской жизни вообще. Рукопись Маркса была впервые опубликована в 1926 г. в журнале „Молодая Гвардия“.

„Тогда как в южной Руси заложились славное Запорожье и дух казачества разлился по всей Украине, произошел такой же наплыв народа с Севера на Дон. Украина оказала помощь этому обществу и населила берега Дона своими детьми. Малороссия с самого начала приняла участие в образовании Донского казачества, что доказывает язык нынешних Донских казаков, среднее наречие между малороссийским и великорусским языком.“

Итак, и по Марксу, и по Лоле, и по Донецкому — был далекий, пустынный Юг, а в нем — хаос; туда бежали, бежали и бежали русские крестьяне и вдруг, как по мановению жезла, в половине XVI в., там повзростели казачьи общины с полным законченным государственным устройством.

Совсем, как по библейской истории о сотворении мира — „бысть тьма и бысть хаос и в первый день Бог сотворил свет“, а в последующие семь дней — всю ту стройную мировую систему и все то, чему мы обязаны своим существованием, с той только разницей, что в южно-степном хаосе свет и все прочее творил могучий двигатель советского бытия — классовая борьба.

Все — по шаблону московских историков. Наши казаче-советские историки, во главе с Марксом, не заглянули ни в старые летописи, ни в княжеские грамоты, ни в церковные документы татарского периода. Обминули они старые казачьи предания и сказания, не заинтересовались содержанием первой казачьей конституции 1710 года — договором Войска Запорожского с новоизбранным гетманом Орликом; не сослались нигде на труды мусульманских и вообще иностранных писа-

телей и путешественников, а именно из всех этих документов, упорно замалчиваемых и обходимых, явствует, что еще в те отдаленные времена, когда не существовало ни московской государственной области, ни помещиков, ни ига их, по широким южным степям, по Черноморско-азовскому побережью, по казачьим рекам широко далеко жил совместно с инородцами многочисленный славянский люд, смешиваясь и принимая в себя их чужую кровь.

На Кубани, по нижнему Днепру, по Дону, по Хопру, по Донцу уже в удельно-вечевой период стояли многочисленные городки и монастыри; но еще и до этого периода жили, воевали и подвизались там наши казачьи предки, о которых повествуют нам и казачьи предания и запорожская конституция и достопочтенная „Протестация“ 1620 года, опубликованная всем духовенством Украины — Руси в защиту Запорожского и Донского казачества и своих сношений с ним.

В одном прав Маркс: что земли Украины много дали люда на Дон, но давали они не только в „малороссийский“ ее период, но и в столь отдаленные времена, когда еще и имени „Малороссия“ нигде не употреблялось и не возникало.

И характерным в многочисленных старинных документах есть именно то, что старое казачество определенно подчеркивало свою этническую отделенность, свой „национально“-казачий облик, не смешивая себя с другими „русскими“ народностями и отделяя себя от них. Этому верила прежде и русская ученая мысль.

Правы ли были старые казаки и теперешние донские старики, говоря, что „мы — не русские“ или нет, — дело исторической критики, заниматься которой пока здесь не будем, но следует отметить то интересное обстоятельство, что почти все русские ученые, — историки, профессора, которые специально посвящали себя исследованию казачьего Юга, как то: Брун, Срезневский, Ламанский, Голубинский и много других, приходили к „самостийно“ казачьим выводам; их труды поощрялись раньше учеными наградами и печатались Академией Наук и Университетами. Однако об этой „ереси“ ни у Лолы, ни у Донецкого нет ни звука.

Может быть, клеймя прежних казачьих историков „самостийного“ и не самостийного направления и, опровергая их построения, советско-казачьи историки пользовались неизвестными еще нам материалами?

О, нет! „В основу настоящих очерков положены материалы из „Исторического описания Земли Войска Донского“ (Сухоруков) изд. 1867 г.; из историко — литературного журнала „Дон“; из „Истории Дона“ Еврафа Савельева — из рукописи, предоставленной автору И. А. Лунченковым, и из др. источников“, пишет Донецкий.

У Лолы еще проще — первая статья „О разорении Запорожской Сечи“ прямо как будто списана с помещенной в 1925 г. в 2-х №№ „Каз. Пути“, подобной же статьи С. Федорова, а последующие исторические очерки, как будто целиком взяты из Истории Куб. Каз. Войска казачьего историка Ф. А. Щербины.

И Лола и Донецкий оперируют давно нам известными „самостийниками“ и не самостийниками. Для придания вящего авторитета — смотри, мол, что писали казачьи полковники, чиновники и офицеры о „злодействах“ царских прихлебателей и о ненавистном режиме, Лола даже нашего старика „деда“, миролюбивого профессора Щербину, произвел в полковники.

Части исторической обеих брошюр не стоило бы и касаться; очерки Лолы и Донецкого смело могли бы быть помещены и на страницах эмигрантских казачьих журналов — все по нашему, по казачьему, по настоящему. Невольно вспоминается сравнение Троцкого Красной Армии с редиской — поскреби ее и будет белая; так и казачьи коммунисты — коммунист как коммунист, а как только коснется старой казачьей славы, былого минувшего его дедов и прадедов, поскреби — и видно самого настоящего „самостийника“ казака, не хуже Сухорукова, Савельева и других, разве что с более выраженной, даже специальной тенденцией: как наиболее очернить царский режим и казачьих старшин; поэтому, соответственно не пользуются любовью у Донецкого и личности атаманов Ефремовых, хотя один

из них, Степан, был возведен казачеством в „национальные“ донские герои, а у Лолы и знаменитый Черноморский „бунт“ 1861 г., в котором главную роль играли старшины, не желавшие покидать Черноморья и переселяться за Кубань, не есть дело их рук.

И если такая нелюбовь еще диктуется московскими директивами, то зато совсем непонятно, зачем казачий гражданский брак, совершавшийся в Кругу по принципу вольного избрания, Донецкий называет „полуварварским обычаем“ и радуется тому, что он отжил; очевидно, советские формы брака и развода, с записями в Загсе, милее его сердцу, чем церемония в Кругу казачьем.

Посвящая целую главу „сословной“ розни, Лола видит причины ее возникновения исключительно в политике правительства и казачьих правящих кругов, греша здесь против исторических и бытовых условий жизни казачества. Отсюда и те мнимые „кривды“, вроде ненаделения переселенцев — крестьян войсковой землей, неучастие их в управлении, посаженная плата и т. п. Они забывают основной принцип, которого твердо держатся все государство, что „там, где нет обязанностей, нет и прав, и раз пришлое население не перенимает на себя обязанностей коренного казачьего населения, то оно не может претендовать и на права казачьи, тем более, что источник „сословной“ вражды лежит в далеком прошлом; проистекал он из подданнических отношений пришельцев к казачьим Войскам — государствам. Оборона казаками своих государственных прав от захватнических стремлений пришлого, не подданного, элемента имела место еще в Запорожье.

Гораздо более оригинальными являются очерки обоих авторов, относящиеся к казачеству в 1905 г. и в последующее время. Они правы, что „за чужие грехи называли казаков „палачами“ и „опричниками“, правы и в том, когда роль казаков в 1905 г. слагают на ответственность царского правительства, справедливо указывая, что и не казачья гвардия, каналерия и пехота были не лучше в деле усмирения.

Но зато в описании казачьих настроений в революцию 1917 г. авторы делают много новых „откровений“: „свержение царя вызывало волнения казачества в пользу царизма (!). Кубанская станица отнеслась недоброжелательно к падению царизма (?) (Казаки) — не знали, для чего и за что они воевали. ...в февральской революции казаки, уставшие от войны, искали ее окончания; и т. д. и т. п.

Последовательно Донецкий и Лола отвергают и казачьих вождей, казачьи правительства и достижения казачьей государственности.

Справедливейшие социальные земельные акты Круга Донецкий осуждает — „провозглашенная декларация, говорит он, цинично заявляла, что казачьи земли остаются в распоряжении Войска и что в земельный фонд отчуждаются земли государственные, удельные и помещичьи.“

Ему, очевидно, хотелось, чтобы казачество ударило челом своею, политую кровью дедов и отцов, землею Керенскому с Черновым и принесло бы ее в всероссийский фонд на общий раздел. Однако на Кубани и в 1927 году еще палат хаты за „справедливый“, по мнению Донецкого, раздел и Кубанские казаки коммунисты, не скрываясь, говорят, что на такой раздел и они не согласны, а вот если бы так, как Рада постановила...

Вся казачья идеология того периода характеризуется ими как настроения „верхушек кулачества“, вылившихся в Кругах и Радах, а „подлинных низов — рядового казачества“... не было — „Круг никогда не отражал подлинных настроений казачьей массы“; характерной его особенностью было — „отсутствие своего лица и зависимость от закулисных влияний“, пишет Донецкий. Отсюда, мол, недоверие казачества к своим Парламентам, разочарование в них и причина катастрофы, а вместе с тем и переход симпатий казачества к Советской власти.

Выступление казачества против октябрьской революции определяется ими только исключительно экономическими причинами и „спровоцированием Правительства и офицерства“; политических же лозунгов в борьбу с Советской властью казачество не вкладывало.

„Круги и Рады являлись послушными орудиями в

руках махровой контр-революции и ее замыслов, и ширмой „народоуправства“.

Вот как характеризуют нас и наши представительные учреждения, создавшие славную эпоху в истории казачьего бытия.

Повествуя о казачестве под Советской властью, авторы видят в казачестве сначала нейтралитет и выжидательность — „такова психология людей, чувствующих свою вину и ожидающих наказания“..., а потом и благожелательность, хотя вся то вина казачества была виной крыловского ягненка — казачества, пившего воду государственного бытия из одного ручья с волком и брыкавшегося, когда Советская власть сразу же хотела содрать с него шкуру.

Поворотным же пунктом в настроениях казачества был декрет 24 ноября 1920 г. о землепользовании. „Это и разбило неуверенность казаков. Казаки поняли что никто не собирается лишить их земли, втиснуть насильно в коммуну и проч“. Даже политика „расказачивания“ по Лоле „преследовала цель улучшить положение казака“, ибо „надел — был для трудового казака кабалой“, налагавшей войсковые обязанности, „нужна была полугодовая активная работа... чтобы в массе казачество поняло, что „расказачивание“ есть только раскрепощение казачества от ига царских генералов... Расказачивание обращает казака в хлебороба, освобождая его от необходимости быть постоянно готовым сестя на коня для подавления всяких покушений на собственность помещиков и капиталистов.“

Что это было и есть не так, мы видим и из непрекращающейся до сих пор борьбы казачества на почве земельных отношений и из того, что Советской власти пришлось разрешить употреблять и имя казачье, возвратив ему право на свой особый быт, песни, одежду. О пользе расказачивания авторы твердят и теперь, зачем, мол, терпеть казаку в брэнной мелкобуржуазной земной жизни, когда лучше дать снять себе голову и благоденствовать как „равный между равными“ в советском „раю“.

В противоположность этому, Микоян утверждает, что „казачество в широкой своей массе верило генералам... благодаря этому, после победы Красной Армии, после Советизации Северного Кавказа и вплоть до 23-го года, мы имели большое количество политических банд во главе с казачьими офицерами, которые нападали на Советы, убивали коммунистов, разбирали железнодорожное полотно, грабили поезда и продовольственные склады. Фактически это было продолжение гражданской войны“...

„Деятельность контр-революционных банд мешала Сов. власти подойти ближе к большинству хлеборобов казаков...“

Сближению казачества с Сов. властью мешало еще то обстоятельство, что в условиях нищеты и голода, для поддержания армии и страны, Сов. власть была вынуждена... забирать... у казаков большую часть их урожая, не будучи в силах возместить хлеборобов соответствующим количеством мануфактуры, с-хоз. орудий и других промышленных товаров.

Третья причина, которая мешала сближению казачества с Сов. властью, заключалась в том, что большинство иногородних крестьян... относившихся враждебно к казакам, рассматривали победу Сов. власти, как победу иногородних над казаками и даже в станицах с большинством казачьего населения, казаков почти не пускали в Советы. На этой почве у казаков получалось неправильное впечатление, что Советская власть победила для того, чтобы взамен старого порядка... на шею казаков посадить иногородних.

Четвертое обстоятельство... что многие из казаков, бывших в рядах белых, подвергались преследованиям...

Сам б. Северокавказский владыка свидетельствует, что казачество долго и очень долго было далеко от благожелательности к Сов. власти и имело на это свои веские основания.

„Ныне обстановка для казачества коренным образом изменилась к лучшему“, глашает он, в связи с пресловутым поворотом „лицом“ к нему 30 апреля 1925 г.; но не прошло и года со времени провозглашения Микояна, как „лицо“ Сов. власти начинает опять

отворачиваться от казачества и с весны мы снова видим, какой ужасный режим опять восстанавливается в казачьих Землях.

Слова Рыкова, сказанные им на Краевом Съезде Советов, что „старая вражда и взаимные обиды... должны быть забыты. Должна быть окончательно изжита национальная и сословная рознь, „претворены в жизнь и трактуется таким образом в отношении казачества, что оно сейчас широко употребляет клятву мести советской власти и, что показательнее, — молодое казачество, на которое делает ставку совласть в особенности горит запалом мести за кровь своих родителей, за поруганных и страдающих братьев дома и в рассеянии пребывающих. Политика Микояна, говорившего что „не надо огульно отрицать все казачье потому, что оно было казачьим“, что „это было бы вредной близорукой политикой, т. к. необходимо использовать и казачьи привычки, если они не отрицают равенства трудящихся масс“, с его уходом с Сев. Кавказа не проводится в жизнь, наоборот. —

„Даже многие говорят, что „сословной“ вражды в Кубанской станице не было, а если и была, то совершенно уже сходилась на нет и что только когда партия выбросила лозунг: „лицом к деревне“ и, в особенности, когда партия выдвинула казачий вопрос, то только после этого снова стала разжигаться „сословная“ вражда. Некоторые полагают, что лозунг партии: „Лицом к деревне“ следовало проводить, что это необходимо, но казачьего вопроса не следовало выдвигать“, пишет Лола, осуждая эти мнения только потому, что „казачество является тоже крестьянством, но крестьянством со своими особенностями“... „корни его (казачьего вопроса)... еще не вполне изжиты, и нужно будет приложить не мало сил и энергии для того чтобы изжить эти корни“... „Сословная вражда была, но она была не выявлена, о ней не говорили открыто, а теперь крестьянин и казак стали свободно говорить об этом и она выявилась во всей ее полноте“. Лола рекомендует рядом практических мероприятий изживать „сословную“ рознь, ведя станицу не по сословному, а классово - экономическому разделению, восхваляя хозяйственные достижения Соввласти в районировании. „Казак, это — тот же крестьянин“, повторяется часто авторами. Да и как же им петь иначе, когда сам Калинин сказал, что крестьянин и казак — одно и то же и что: „При царском Правительстве население в казачьих областях было некультурно, неразвито, темно, как крестьянство“.

Что „Федот да не тот“, — это отлично понимают казаки, и никакие Микояны, Лолы и Донецкие им не докажут, что, как говорят они, „коммунистическая партия — его родная партия, коммунистическая ячейка — его ячейка“, как и не создаст партия „новой казачьей

интеллигенции, которая будет руководителем казачьих масс, будет просвещать его“ в духе коммунизма, а не вести себя так, как прежняя казачья интеллигенция, „которая стремилась казачество держать в темноте, обманывать его в угоду царизма, стремилась отнять у казака землю и закрепить его.“ Наши казаки отлично знают, что их интеллигенция не была такой, как ее малюют казаки коммунисты, кандидаты в „новую интеллигенцию“, иначе оно не шло бы за нею и не наделяло ее таким доверием, какое видели мы и видим во всех проявлениях казачьей жизни.

Авторы стремятся к тому, чтобы доказать, что „красные казаки-герои смыли позорное пятно с казачества, выступавшего против трудящихся“, что казачество выслуживается и выслужится перед Советской властью и хотят возвести память этих „героев“, „которые еще ждут своих историков“, на пьедестал старых казачьих вождей и героев.

... „Наиболее светлой личностью революционных героев донского казачества был Подтелков“, пишет Микоян, приравнивая его к именам славных вождей казачьей старины.

Вряд ли казаче - советским историкам удастся возвести Подтелкова и К-о на высоту Ермака, Булавина и др. вождей Вольного Казачества.

Подтелковым место с теми выродками казачества, которые за чечевичную похлебку продавали его Волю и Вольность. Какая разница в том, что одни цари были коронованные, а другие — звездоносные? Белая собака, черная собака — все одно сабака“, говорит горская пословица; так и белая Москва, красная Москва — все одно Москва.

Сомнительно и очень сомнительно, чтобы историческо - публицистические очерки Лолы и Донецкого помогли изжить „сословную“ рознь и „прихилить“ казачество к Компартии и Советам, но хорошее дело и они могут сделать — покажут в дешевой книжке рядовому казаку казачью старину, без хвалебных пеней царскому режиму, прелести же советские он видит воочию.

Песни „Донской старины“ приведенные в конце книжечки подбодрят казака и помогут тому, зато вот иллюстрации из древнего путешествия в Москву Герберштейна, при царе Иване Грозном, ничего общего с казачьим бытом и нравом не имеющие, дадут только ложные представления о казачьей старине.

„Подрядился да нанялся, что проданся“ — так оно и с авторами казачьей истории на советский образец — история как история, но выводы и заключения так и пахнут тридцатью сребренниками казачьих лудушек нашего времени, продавших кровь своих ближних за сомнительные блага коммунизма.

Думы и мысли казачьи.

Приезд Атамана Богаевского в Болгарию.

29 июня 1928 года в Болгарию прибыл Донской Атаман, генерал Богаевский.

Казаки давно ожидали его приезда и собирали большие суммы для его встречи, составлялись программы, наскоро организовывались хоры, в общем старались высказать своему высокому гостю особенное внимание и почет...

Не спала также и русская колония. Она с своей стороны, по старому обычаю „раскошелилась“ и приподнесла Атаману к приезду пышный букет „Филимоновского“ бреда, дышащий ненавистью и злобой.

Газетка „Русь“, местный орган главного командования, воспроизвела „разрушительную“ работу атаманов еще в Константинополе, затем в Сербии и Париже и т. д. и, наконец, по своему предугадала и истолковала настоящее путешествие Атамана.

Не обошла молчанием и тех казаков, которые рискнули принять своего Атамана и оказать ему известное внимание.

Вот что они пишут по адресу Соф. станицы, вина которой состоит в нижеследующем:

„В воскресенье, в Русском Посольском храме, по инициативе правления казачьей Софийской станицы был отслужен благодарственный молебен по случаю... благополучного прибытия в Софию генер. А. П. Богаевского. Молебен совершал архимандрит Сергей. Каких опасностей избежал в пути ген. А. П. Богаевский остается невыясненным, но, по видимому, он подвергся им неоднократно, если прибытие его Софийская станица решила отметить благодарственным молебном.

Если же допустить, что ген. А. П. Богаевский споконно следовал из Белграда в удобном вагоне 1 класса и никто его жизни не угрожал, то окажется, что Софийская станица, что называется, переусердствовала.“

(„Русь 3/VII-1928 г. № 1567.)

Спорить, возражать на подобный акт русских „друзей“ совершенно излишне. Предоставляется читателю самому сделать надлежащий вывод.

В беседе с казаками, 8/VII Атаман назвал вышеупомянутые поступки русских людей, мягко выражаясь,

некрасивыми, вредящими русскому делу, селящими не-доверие и вражду в казачестве к русскому народу.

Попутно в вопросе о взаимоотношениях с главным командованием, он напомнил о том, как однажды ген. Врангель облил грязью Атаманов в приказе, за то, что Донской Атаман (глава Войска) определил несколько голодных и больных казаков в одну из донских команд, а также привел случай, как один из русских представителей в Сербии „подставил ножку“ Об. Сов. Д. К. и Т. в деле переселения казаков на хозяйственные работы в Сербию, охарактеризовав их перед Сербским Правительством, как воров, разбойников и опасных людей и тем самым обрек казаков на лишний год голодного существования на о. Лемносе.

„Нам казакам, — сказал атаман, — не стоит принимать близко к сердцу обиды отдельных лиц, но если будет задета казачья честь, то Казачество сумеет ответить достойно“.

Конечно, обижаться на выходки каких-либо отдельных русских проходимцев было бы недостойно казака, но вышеприведенные примеры не единичны и не часты, а являются политической травлей, эпидемичны и носят характер бича для казачьего народа. С их легкой помощью казачество и за границей, среди иностранцев, продолжает рисоваться теми же мрачными красками.

Казачество в своей государственной и общественной жизни настолько было корректно в отношении России и настолько скромно в своей оценке и желаниях, отличалось настолько молчаливой и выносливой покорностью, что дало тем самым возможность последней проявить по отношению Казачества снисходительное покровительство и послужить удобной почвой для чрезмерной самовлюбленности.

В настоящем случае русская эмиграция по праву „преемственности“, заняв более или менее видные места в зарубежных учреждениях, с демоническим наслаждением „инквизирует“ казачество; старательно искореняется казачье уважение к своему „я“; убивается любовь к своим краям и преследуется преданность своим Войсковым Атаманам. Ослушникам такую аттестацию пишут, что у более видных подгибаются колени.

К слову сказать, генер. Абрамов, командир Донского корпуса, он же представитель Главн. Коман. „забыл“ совершенно про обязанности, присущие командиру корпуса.

При приезде Войскового Атамана не соизволил быть ни в церкви, ни на молебне, боясь, очевидно, скомпрометировать себя в глазах своих „хозяев“.

Все это было бы смешно, если бы не было так больно за своих людей, за казачью среду.

О русских „друзьях“ говорить и не приходится: подчеркнутое равнодушие общественных деятелей к приезду Атамана безусловно понятно.

Такова уж психология русского человека: платить только за зло добром. „Отогрей сапу — она тебя за лапу“. Русская эмиграция, конечно, „забыла“ как не так давно жалкая, трусливая, обнищавшая, была подобрана простодушным казаком, накормлена, одета, устроена на лучшие места в казачьих краях и была, казалось, довольна и порядками и законами, и свободной, привольной жизнью на земле казака.

Теперь обстановка изменилась; казаки под их „заботой“: грязь, обиды, унижения и бесправье — вот чем платят казаку. Обижаться, действительно, не стоит. „Из хама не будет пана“, — говорит русская поговорка.

Правы или нет самостийники, призывающие казаков ориентироваться на самих себя — покажет будущее, но уже теперь им надо отдать справедливость за ревностную, усердную защиту казачьего имени.

Думается, что, касаясь самостийности в своей беседе с казаками, Атаман имел ввиду не более, как успокоить русскую общественность.

„Самостийники, говорит он, должны, на ряду с хорошими сторонами, показывать казакам и дурные последствия своей проповеди. Как то: заботы о финансах, границах, войсках, промышленности и проч“. Такой наивный упрек, конечно, не может сколько-нибудь скомпрометировать самостийное течение, но он вполне может удовлетворить шовинистическому требованию русской эмиграции. Ведь эти господа все равно не поймут,

что еще ни одно государство, каким бы оно малым не было, добровольно не отказывалось и не может отказаться от своей независимости из-за невозможности избежать вышеприведенных вопросов.

Всегда и везде находились люди, которые выводили страну из тупика и с честью разрешали эти задачи. Нет основания бояться и за казачий народ; найдутся и там достаточные труженники и энергичные люди.

Пока казачество ясно не обозначит своей цели, не приучит слух и зрение русской общественности к своей подлинной свободе, пока твердой рукой не обозначит свои границы, до тех пор оно будет мишенью для авантюристов, хорошей почвой для различных гастролеров, до тех пор над ним будут безнаказанно издеваться.

Печальные дни переживает казачество. Бесконечными уступками казачья энергия подорвана; казачья семья смущена.

При всем этом казачество должно хранить в себе непоколебимую веру, что патриотизм возьмет свой верх, что только он и страдальческий образ казачества сплотит казаков вокруг своих национальных вопросов.

Будем полны верой, что казачьи правительства и общественные организации найдут в конце концов общую базу и помогут казачеству с честью вынести тяжелое испытание и предохранят его от новых бед.

И. Маноцков.

Письмо к неказакам.

Почему теперь, именно теперь с такой остротой, с такой болезненностью мы делимся на в а с, неказачьих, и на н а с, казаков?

Отбросим все исторические справки о происхождении. Отбросим эти вылинявшие бумажки — они не нужны... Не почувствую я сейчас себя китайцем только потому, что это говорят документы...

Но что-же другое, что делило и делит нас?

Почему мы, говорящие на одном языке, люди одной культуры и веры, были разными в глубине своей души и особенно подчеркнута разными стали с первого дня гражданской войны?

Почему?

Почему вы, говорящие, что между нами нет никакой разницы, что мы все — и вы и мы — одна семья, в своей душе не могли и не можете это признать, не можете стереть границы между нами?

Почему?

Почему мы, казаки, учившиеся в неказачьих, не в „сепаратистических“ школах, а многие и почти не жившие среди казаков, чувствовали себя среди вас чужими, если только помнили, что мы казаки?

Почему?

Не потому ли, что мы — казаки, все равно от кого мы произошли: от скифов-ли, от холопов российских, или от „беглых“ всего мира, но в вековой жестокой неравной борьбе, в вековом напряжении выковали в себе Т О, чего нет у вас...

У вас, привыкших к победам над слабым противником, у вас, бравших все только своею численностью, у вас, привыкших покорять, да покорять, а не побеждать, и самим покоряться сильным.

У вас, не знающих борьбы, у вас, могущих или по барски властвовать или холопски служить...

Не потому ли вы ненавидите нас, да, психологически ненавидите маленькую кучку, не склоняющуюся перед мировым колоссом. Вы, опьяненные своим количеством, опьяненные дешевыми победами, самовлюбленные и самонадеянные, готовые опекать и покровительствовать, быть „добррой мамашей“ всем, кто идет под вашу „Высокую руку“, кипите от злобы, когда мы, слабые числом, мы, которых вы можете раздавить в несколько дней, стереть с лица земли, мы, мы осмеливаемся не вторить вам, а говорить сами, говорить, как равные...

Не потому ли, что мы, пусть дети одних родителей, но прошли разную школу жизни в долгий период своего формирования?

Столетия огненного напряжения в неравной борьбе за свободу, в борьбе — с победами и поражениями, в

борьбе с сильнейшими врагами, в борьбе на жизнь и смерть... Ни одного года унижительного рабства...

Вот наша история, выжженная в нашей казачьей груди.

Да, мы не собрали великого царства от моря до моря, мы не покорили сотни народов, как вы, но мы горды своей историей, в которой нет дешевых побед, нам не стыдно наших больших поражений и наши маленькие победы нас не срамят...

... И этого нет у вас, владетелей одной шестой суши.

И не потому ли, что вам обидно за себя, обидно за свое скудное прошлое, обидно за свои воспетые победы над слабейшими численностью врагами?.. Не потому ли, что вы признаете, что не имеете права на благородную, заслуженную гордость?..

Не потому ли вы в глубине своей души ненавидите нас?

Когда рухнул трон, когда вспыхнула гражданская война, то из всех вас, прогивников большевизма, нашлась только ничтожная по количеству кучка гордых людей, и лишь она отчаянно боролась, часто зная, что впереди — поражение и смерть...

И не потому ли здесь в эмиграции нас особенно болезненно ненавидят те, кто во время гражданской войны трусливо прятался за наши спины в наших городах и станицах, чью жалкую трясущуюся шкуру мы защищали своею грудью, кому мы дали возможность ударить потом со всем своим скарбом.

И напрасно вы, вы жалкие, вечные шкурники, делаете вид, что вы нас презираете; нет — вы нас презирать не можете, вы можете только злобно и трусливо ненавидеть...

Но после страшной войны я хочу обратиться к вам, героям неказак, к вам не к штабным политикам, а к тем, кто вместе с нами, казаками, бился в первых рядах на полях Украины, в степях Дона и Кубани, бился вместе в северной Таврии...

К Вам, людям всех убеждений, к людям-борцам, а не к беженской слизи и не к курчавым борзописцам...

У нас с Вами не может быть розни и ее нет у нас, умеющих уважать чужие убеждения, умеющих уважать доблесть союзника и врага...

Да, мы хотим, хотим жить самостоятельно и будем за это бороться.

Мы не были и не будем врагами России, но в общий дом войдем только как искренно уважающие друг друга союзники, как равноправные братья Единой Великой Семьи.

Ф. Полк.

Так я же казак!

(Думы в слух.)

Народ, как таковой, прощает многое. Одно не прощает: оскорбления национального достоинства. Он или открыто, силою ищет удовлетворения, или сворачивается, уходит в себя. В себе самом затаивает обиду.

По количеству уязвлений, что проглотило Казачество, его бы можно было назвать — всепрощающим, всежертвенным. Ибо чем только ни поступилось Казачество в пользу Россиян и чем только не жертвовало, чтобы и в России было благоденствие и мирное житие.

Одного только не прощало. Только одну обиду не переварило: оскорбления национального самосознания.

Обескровленное, разгромленное, — тряхнуть Москвой, как прежде, уж не могло. Уязвленное в своем национальном самолюбии — все резче и резче отмежовывалось от всего русского.

Казачья масса к вопросам национальным была всегда более восприимчива, нежели отдельные ее представители из интеллигенции. Понятно почему: школа.

... „От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая...
... Русская земля“...

Казачьи массы этого не учили и потому так и не думали. Для них все это огромное пространство всего лишь —

— Владенья Русского царя.
Минус — Казачья Земля.

— Ты мол, себе там, в Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону.

„Сепаратизм“, „Самостийничество“, это не Казачье. Это выдумала императорско-коммунистическая Россия, видевшая во всех Россах Великороссов.

А окрестя казаков „Самостийниками“, только поступила по сербской пословице:

„Лако је жабу натјерати у воду“.

Ибо вода — ея стихия:

Самостоятельность, независимость, свобода.

„Самостийность“ — это отпор загребущим рукам, и пока эти руки не дотянулись до Казачества — не было и „самостийности“. Было:

Самостоятельность. Независимость. Свобода.

И язва этого „Сепаратизма“ совсем не „в головах оторвавшейся от народа казачьей интеллигенции“. Именно наоборот.

Помню, еще в детстве, будучи учениками двухклассного училища, — мы казачата, „серьезно“ обсуждали вопрос об отделении от России „Кубанского Государства“ и чертили карты этого Государства, включая в него и Черноморскую и Ставропольскую губернии. Мы выбирали себе Атамана и даже Гетьмана.

Откуда это? Ни дома, ни тем более в школе, нам никто ничего подобного не говорил. И все-же мы, дети, были завзятыми „самостийниками“. По детски, инстинктивно чувствовали, что мы и русские — совсем не одно и то же.

Седобородые старики на выборах в Учредительное Собрание определенно заявляли:

— В Раду уж голосовали, а в Собрание?.. Что оно нам?.. Пусть туда Рассейцы голосуют!

И им никто не говорил, что подчинение силе это одно, а свободное волеизъявление — нечто совершенно другое.

Не стало силы давившей казака, и он немедленно и открыто заявил:

— С вами больше совместно не жалаем!

А затаенные уязвления казачьей Вольности вспыхнули с безумной силою:

Знают прекрасно Донцы, что их Донская:

„Засеяна славна землюшка казацкими головами“.

И не забудут, что их Дон:

... Басурману он не кланялся, у Москвы, как жить не спрашивался“...

Как не забудут Кубанцы-Черноморцы разгром Січі.

Старики станиц Черноморского округа знали так образно и живо рассказывать о том разгроме, как будто он был вчера и на их глазах.

И мудрено ли? — Одни ушли в Турцию; другие — в себя...

Мало-ли „недействующих“ вулканов?..

О многих и не помянут, что они когда то были „действующие“.

— Никакой, мол, разницы. Все равны! Чтб Тульские, чтб Донские, чтб Кубанские... Одна земля. Одно и земство.

И вдруг — прорвало... Откуда взялся?..

А не признать нельзя: д е й с т в у е т ...

Признаем вас самостоятельными, свободными. Признаем вашу Раду и Круг и ваших Атаманов... пока не соберется воедино Россия“...

А потом? —

Потом — безоговорочно. Потому: одна Земля, — одно и земство...

— И почему вы, господа офицеры, против большевиков идете? — спрашивал офицеров добровольцев казак Степан Филимонов.

— А ты почему?, — не ответив на вопрос Степана, спрашивают добровольцы.

Степан опешил.

— Я?.. Так я-же казак!

Степану это так ясно: защищался от бояр с их молодцами; теперь от комиссаров, с их коммунистами.

Что имена-то у них разные? Да суть-то одна и та же осталась.

Для Степана большевик — по крайней мере — честный враг: в открытую прет:

„Изначтожу, мол, Казачество!

А эги — „друзья“. А думки одинаковы: волчьи.

— Покажем, мол, мы вам Раду и все прочие вольности, когда на место большевиков Россеей управлять будем!

Не поняли Степана добровольцы. Не поняли, что хотел он сказать своим:

— Я?.. Так я-же казак!

Рассмеялись. А Степан эмигрировал, ушел в себя. И в своей ненависти к пришельцам никакой разницы между „большевиками“ и „кадетами“ не видел. А нам, своим станичникам, частенько с горьким упреком говорил:

— А вы, господа офицеры, когда с нами — душа радуется на вас глядеть, а когда вы с ними (кадетами) разговоры разговариваете, да ручки ихним барыням цалуєте — будто те-же картузники...

Нет, не „оторванные интеллигенты“ зовут за собою казачью массу. Казачья масса сама поведет за собою свою интеллигенцию, даже и оторвавшуюся, и выведет ее с пути беспутного на широкий казачий шлях. И пойдет она за массою. Пойдет. Ибо —

Тай веселая та доріженька,
Куди вони йдуть!..

Был один такой „оторванный интеллигент“. Екатеринодарские городовики — кадеты его в Учредительное Собрание выбрали.

А казаки — товарищем председателя Рады. И зачался интеллигент: иль не делящая Москва, иль отделившаяся Кубань.

Колебался. Да подвернулся ему неделимый избиратель.

— Вы колеблетесь?!. Да ведь Раде житья только до Учредительного!

Уязвило что-то „оторванного“ интеллигента и — мигом в Каноссу. В черкеске, при кинжале.

— Станичники, я с вами! Потому — казак!..

Кроме казаков, наиболее вычеканенные „самостийники“ вышли как раз из рядов того молодого Кубанского офицерства, которое самоотверженно шло в бой:

— „За Русь Святую.“

И от этой самой „Святой Руси“ получали пули в спины.

Большевик — в лоб. Освобожденный гражданин — в спину.

А над этим братским „лобызанием“ — грозный фантом будущей старой.

Гримас-же грядущего за „освобождением“ фантома было более, чем достаточно: от корнетского дука в полку до генеральских шпор в Раде.

И казаки... „Эмигрировали“ из Российских полков в свои части: офицеры уходили в себя.

И в том, что Кубань не осталась тем, чем единогласно была прокламирована, виноваты только интеллигенты — „оторванные“ и не оторванные.

Выбирали Кубанцы Атамана. Интеллигенты агитировали за „известного защитника политических“; казаки станичники держались своего.

В училище „имени Шевченко“ интеллигент депутат наговаривает Платнировца депутата.

Хить слушал, слушал...

— Та гді тобі! Що белькочеш, як москаль на ярморці!.. Та хоч три дні й три ночі говори на вухо; Хвилімонов, Хвилімонов, Хвилімонов... А коли до шарів, — я бух — за свого!

Хитя убили завоеватели. Но ведь все Войскр Кубанское — Хить!

И как Хить будем слушать. А как дойдет до діла, а, мы — бух, та за Рідну Неньку Кубань...

И это не будет — ни выбор, ни выход. Это будет по Степанову:

— Я? так я-же казак!

Вл. Куртин.

Как жить?

Исторические изыскания по вопросам о происхождении Казачества в политической работе, развивающей мысль о необходимости создания Казачьего Государства, не являются существенными факторами. Более важным — признается рассмотрение политических, социальных и в особенности экономических взаимоотношений, образовавшихся в результате двухсотлетнего сожительства Казачества и России.

В настоящее время, благодаря научным исследованиям в области прошлого Казачества, никем не оспаривается, что Вольные Казачьи республики существовали. Были-ли они составлены „беглыми московскими холопами“ или древними „касагами“ — не суть важно. Важен факт — такие суверенные республики существовали.

В начале XVIII-го века, под влиянием внешних причин, Вольные Казачьи Республики, как и Украина, вынуждены были соединиться с Московским Государством под властью его царей. Это соединение не могло принести благих последствий, т. к. составляющие части имели резко-противоположные социальные, бытовые и политические отличия.

Особенностью политического устройства Казачьих Республик было народоправство, тогда как Москва была деспотией.

Столь различные государственные организмы не могли создать содружественное соединение. Рано или поздно один из элементов должен был подчинить своей силе другой.

Так и произошло.

Мы знаем, что в первые времена слияния Казачества и России вспыхивали огромные волнения против централизма московской власти. Эти волнения и выступления борцов за волю, российскими царями беспощадно подавлялись (движения — К. Булавина, Пугачева, борьба Степана Ефремова, Грузинов и др.) Такие расправы и кровопускания оставляют неизгладимый след в народной памяти, но более вредные последствия имеют не физические воздействия. Физически унижить Казачество невозможно. Более сильное средство заключается в расслоении однородной массы, ассимиляции ее и в экономическом подчинении центру.

Эти средства и были использованы Россией на протяжении двух столетий и к довоенному времени привели Казачество в кабалу Москве.

Роковую роль в этом отношении сыграло появление (при содействии Москвы) в среде Казачества московской партии из обласканных старшин. При ее посредстве царское правительство получило возможность воздействия на внутреннюю жизнь Казачества. Роль старшинской партии перешла впоследствии к дворянству (москов. сторон.), а при ослаблении значения последнего, к обрусевшей части интеллигенции.

Мы знаем, что из среды Казачества вышло немало людей науки, но „казачье лицо“ ими в большинстве случаев утеривалась, казачья интеллигенция обрусевала и в том же духе влияла на казачьи массы.

Параллельно шло экономическое закабаление Казачества. Прибранное постепенно к рукам и обращенное в служилое военное сословие, Казачество в богатейшем Крае быстро обнищало. Если дворянство в Российском Государстве получало все большие права, то казачество наоборот постепенно лишалось своих прав. Превращение Казачества в военное сословие имело пагубные последствия не только для рядового Казачества, но и для офицерства. Постоянные отъезды и переброски, военное снаряжение на свой счет, содержание военных школ, льготных офицеров, содержание Кадетского Корпуса и т. д. и т. д. все это нанесло страшный удар общему благополучию. Указанные расходы (вполне ясно должны-бы быть отнесены к центральной казне) ложились целиком на плечи казаков. Такой экономической кабалы не несет ни один народ. Даже в негритянских колониях европейцы, если и эксплуатируют туземцев, то взамен строят им дороги, мосты и пр. (на Дону имеется всего 14 верст шоссе дорог). Самая система отбывания военной службы — разоряла казака, как земледельца и домохозяина. Торговля — находи-

лась главным образом в руках пришлого элемента, не связанного такими формами военной службы.

Расходы, ложившиеся на плечи Войск, нечем было покрывать. Вспомним, что винная монополия отняла в 900-ых годах у Донского Войска 14 миллионов годового дохода, из коих Войску в виде „милости“ было выдано 1 миллион на военное снаряжение.

Результатом вековой экономической подчиненности Казачества Москве — явилось обнищание Краев, ассимиляция центром казачьей интеллигенции и застой в развитии промышленности.

В политическом отношении иго Москвы было меньше. Постепенно отобрано право внешних сношений, выборная власть (Круги и Рады); Атаманы назначались из Петербурга (в последнее время исключительно не казаки) и все остатки прежней самостоятельности стерлись совершенно. Если в начале прошлого века русские революционные круги (декабристы) считали еще казаков за некий самобытный организм и даже отводили ему место „Штата“ в проэктируемом славянском государстве на ряду с Болгарским и Московским Штатами, то в дальнейшем социалистическая мысль уже окончательно считает казачество ассимилированным и о предоставлении каких-либо особых прав Казачеству не думает вовсе.

К началу XX столетия русские общественные группы уже не помнят о существовавших Вольных Казачьих Республиках и в отношении к Казачеству ведут ту-же реакционную централистическую политику, как и царская власть. Иначе они и не могут — ибо централизм заложен в психологии русского человека, без различия его политических вероисповеданий.

Это мы видим на многих и слишком ярких примерах.

Существовал монархический строй — Казачество потеряло все права и впало в экономическую кабалу.

Пришедшие на смену либеральные интеллигенты за короткий срок своего существования выявили недоброжелательное свое отношение к Казачеству. Социалистическо-демократический кабинет Керенского мобилизовал два военных округа на подавление Калединского „мятежа“ и если-б войска были собраны — кровопролитие неминуемо-бы произошло.

Наконец, последнее свидетельство — большевицкое иго — заканчивает смотр настроений российской общестственности по отношению к Казачеству.

Московский централизм — керенится в психологии русского человека и проявляется во всех без исключения партийных группировках и носителях власти: будь то Милюков или Ленин. Он резко противоположен стремлениям и психологии Казачества и не может выработать никаких компромиссов.

Или — централизм, — или народоправство.

Или подчинение и кабала, или — Вольное Казачье Государство. Казачество имеет богатейшие залежи угля, нефть, прекрасную плодородную землю и нет никакого смысла более богатой стране итти в экономическую кабалу к беднейшему Северу.

Такой шаг будет — самоубийством.

Пробудится-ли у Казачества самосознание — оно будет существовать, нет — погибнет под пятой Москвы.

Ю. Гончаров.

Международная жизнь.

Окружная нота Келлога.

В 1795 г. кенигсбергский отшельник и великий немецкий философ Е. Кант — выпустил известный и знаменитый свой очерк: „к вечному миру“, в котором блестяще защитил идею вечного мира, одновременно доказывая безрассудство и варварство войны, как регулятора международной жизни.

Через сто лет приблизительно официальная политика признала, по крайней мере, условную возможность международного пацифизма. Первая гаагская конференция была несовсем искренней и довольно жалкой попыткой в этом направлении.

Вполне понятно, что после великой войны — проблема международного мира стала злободневным вопросом, которого не могла обойти официальная дипломатия. В Женевском Союзе были осуществлены некоторые заветные идеи пацифистской программы. Женевский протокол, хотя и неосуществленный, региональные и арбитражные договоры и, наконец, Локарно, — это все новые шаги по кантовскому пути к „вечному миру“.

Т. наз. „пакт Келлога“, т. е. окружная дипломатическая нота министра иностранных дел Сев. Америк. Соедин. Штатов — разосланная 14 государствам и объявляющая войну войне, или, иначе говоря, поставившая войну, как способ решения международных конфликтов, вне закона, по крайней мере, для государств, ее подписавших, — это одна из наиболее серьезных попыток современной дипломатии действительного осуществления великих идей общечеловеческого мира. В этом отношении проект Келлога более радикален и последователен, чем соответствующие европейские попытки и акты в этой области.

Пока положительный ответ на ноту Келлога дали Германия, Франция, Англия, Япония, Италия, Польша, Чехословакия. Повидимому, в ближайшем будущем подпишут ее еще и многие другие государства, кроме советов, для которых пакт Келлога, как буржуазно-капиталистический „трюк“ — так ее квалифицирует по крайней мере коммунистическая пресса — мало приемлем.

Конечно, даже принятием пакта Келлога — война фактически не будет отменена, но и теоретически пакт Келлога — это огромный шаг на пути „к вечному миру“, почему, с точки зрения политической демократии, его можно лишь приветствовать, помня, что человеческий прогресс был и будет постепенным преодолением стихийной практики утопической теориею... —

Смерть Джиованни Джиолитти.

В преклонном возрасте 86 лет на днях скончался выдающийся итальянский государственный деятель и политик — Д. Дж. Джиолитти, — от 1882 г. бессменно работавший на политическом поприще, не раз бывавший за это время министром и премьером, знаток и специалист по финансовому вопросу. Италия — как с точки зрения внешней, так и внутренней политики — много обязана покойному.

Новая программа английской рабочей партии.

В начале июля английская „Labour Party“ опубликовала свою новую программу, положительное введение к которой было написано лидером этой партии Макдональдом.

Новая программа „L. P.“ интересна в том отношении, что всецело стала на точку зрения эволюционного и реформистского социализма, думая этапным порядком и постепенно осуществить социализацию современного общества.

Эта программа предлагает национализацию всех главных видов производительной и добывающей промышленности, 48 час. рабочей недели, в пределах возможности сокращения рабочего дня до 7 часов и повышение обязательного возраста для посещения школ до 15 лет. В иностранной политике — она требует последовательного осуществления идей международного мира и активизации в этом отношении Союза Народов.

Фиаско „красного дня“ в Праге.

Теория чешского известного коммуниста К. Горовского, что в Европе невозможен большевизм и вообще какие бы то ни было революционные выступления в духе III интернационала — блестяще была доказана полнейшей неудачей т. нз. „красного дня“, который в течение долгих недель с беспримечным революционным красноречием подготавливала в Ч. С. Р. и особенно в Праге — ч. сл. коммунистическая партия на 6 июля.

Полиция запретила устройство „красного дня“. Однако г. г. коммунисты не унимались. Их депутаты произносили в парламенте и сенате речи, обещая, что „красный день“ состоится во чтобы то ни стало. Коммунистическая пресса — вела массовую пропаганду за „красный день“. Полиция публично предупредила, что она не допустит никаких коммунистических выступлений 6 июля.

Она действительно сдержала свое слово.

Большевики спасовали. Рабочая масса их не послушалась. Вместо ожидаемых тысяч — на улицах не было даже сотен приверженцев коммунизма. Большевицкий генеральный штаб сбежал, предоставив самим себе тех немногочисленных верных солдат, которые пришли 6 июля — на клич партии.

В общем получился единственный в своем роде скандал. В результате внутреннее разложение в партии, где массы бурно заявили свое недовольство местным „политбюро“. Недовольна, конечно, и Москва, которой крайне нужна рабочая кровь на улицах Европы, чтобы освежить агонизирующее тело советского режима. Она потребовала „к ответу главных организаторов „красного дня“.

„Каторжниками Сталина“ — правильно назвало с.-д. „Právo Lidu“ здешних коммунистов или точнее выражаясь — их вождей. Кажется, что „красный день“ нанес этой партии значительный удар.

Казачья эмиграция.

Джигиты в Самборе.

После наибольших заграничных успехов, вчера, 3 июля, в 6 часов вечера, с побивающим рекордом выступил почти весь город Самбор, посмотреть казачью джигитовку, которую поставили по установленной программе казаки-кубанцы.

Наилучший успех они заслужили в виртуозных упражнениях, дали посмотреть Самборцам их гибкость тела и лихую удаль, которую они проделали с суделованием (в сотрудничестве) сотни сербского 51 пешего полка.

Казаки на джигитном поле развевали фронт и делали нападение на противника, через зажженную солону, они пронеслись как стрелы, не страшась пулеметного огня, который был открыт засевшей в засаде сотней 51 п. п.

Огонь был открыт, дабы показать посетителям, что казаки ни в чем неустрашимы. Сербам за суделование наше спасибо, а казакам хорошее пожелание в будущем шлет

Казак Г. Алферов.

Платовский Хор в Италии.

Дав несколько концертов в королевстве С.Х.С., Хор переехал в страну фашизма. Треviso встретило хористов необычайными жарам, которые мучили станичников до самого отъезда из Италии. Концерт 14-го мая в Треviso прошел с успехом и сразу-же составил солидную рекламу хору. Далее, уже без всяких опасений, платовцы двинулись в блестящее турне по главным городам страны музыки и памятников искусств; короткие остановки не позволили хористам вполне ознакомиться с достопримечательностями проезжаемых исторических городов, все-же замечательнейшие постройки и памятники Падуи, Генуи, Флоренции, Милана, Павии, Венеции и Рима были пресмотрены. Самое сильное впечатление произвел Ватикан и Собор св. Петра, создание Микель Анджело, вечером осматривались величественные развалины Коллизея, в Павии обращено было внимание на стариннейший университет (около 1200 лет существования); в Венеции на площади св. Марка хористы кормили голубей и осматривали дворец Дожей.

Впечатление от поездки прекрасное. Везде, несмотря на летнее время и жару, посещаемость концер-

тов итальянцами была огромная; отношение жителей не оставляет желать лучшего. Жизнь здесь — дороже приблизительно в два раза, кнедлики и пиво сменились на макароны и вино. При первом-же выступлении от Хора потребовали исполнения фашистского гимна, на следующем концерте платовцы уже пели:

— *Salve populi de roi...* —

Фашизм охватил очень сильно население, по праздникам совершаются грандиозные процессии итальянцев всех возрастов, с увлечением поющих фашистские песни. Ни дуче, ни папы римского — платовцам увидеть не удалось. Казаков в Италии очень мало и живут бедно; российская эмиграция тоже, за редким исключением, бедствует — преимущественно преобладают в ней правые политические течения (кирилловцы, николаевцы). Во Флоренции один казак обрадовавшись встрече принес хористам вина. Кроме Платова в Италии концертировали в то-же время еще два кубанских Хора, с Хором Игнатьева даже произошла встреча (этот Хор в неважном материальном положении).

Два слова о музыкальных вкусах итальянской публики.

Если в Сербии вызывали неистовый восторг лихие казачьи песни со свистом и гиками, то в Италии к ним относятся более сдержанно; итальянцы больше любят мелодичные и органные исполнения.

4-го июля Хор с сожалением расстался с Италией. 5-го июля Платовцы пели уже в Карловых Варах и в настоящее время совершают новое турне по Ч. С. Р.

Г.

Иностранцы о казаках.

Много еще воды утечет европейскими реками в моря и океаны, прежде чем европейцы научатся знать казаков хоть в небольшой доле той степени, в какой мы их, европейцев, знаем.

Прямо таки блестящее невежество из области истории казачества проявила одна пражская вечерняя газета (Чешское Слово) в номере от 17 сего июля. Говоря о том, что теперешний советский ледекол „Красин“ носил раньше имя „Ермака“, газета утверждает, что имя свое ледекол получал... „в честь русского ученого и покорителя Сибири Ермака“...

Это — Ермак-то Тимофеевич — русский ученый?!

От редакции. По причинам технического характера в августе месяце выйдет не два, а один двойной номер журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“.

В Казачьих Землях.

Погоня за хлебом.

Хлебозаготовки это, кажется, теперь единственная серьезная забота б-ков. Все внимание, вся энергия брошены ими на этот фронт. И это понятно, ведь это единственное, что держит б-ков. Большевицкая гвардия — беднота больших городов, гвардия только до тех пор, пока будет хлеб. Прекратится хлеб — будут бунты, как это было уже в начале лета в Москве, Петрограде и др. городах. И б-ки бросили все силы на фронт ограбления хлебороба. Но победа не дается. Устают, выбывают из строя уже и самые энергичные заготовители, апатия царит в их рядах, но „головка“ требует нового и нового напряжения сил в работе.

Опыт прошлых лет показал б-кам, что у хлеборобов особого желания предоставить советской власти свой хлеб по 90 коп. или, в лучшем случае, по 1 руб. за пуд, тогда как рыночная цена муки достигает 6 рублей, нет, население хлеб прячет. Чтобы не тратить времени на розыски по амбарам, скирдам, скрытым ямам и иным местам, московско-большевицкие заготовители изобрели новый способ покупки — покупка на корню. Как эта работа проходит характеризуют следующие корреспонденции с мест:

Б р ю х о в е ц к и й р а й о н. Основная причина слабости заготовок заключается в том, что по всем почти станицам нашего района, до сих пор слаба массовая работа с беднотой, женщинами и пр. До сих пор только отделеваются постановлениями, как-то: углубить, расширить и т. п., а никакой почти работы не проводят — отчего ни беднота, ни женщины, ни другие близкие нам слои населения поддержки хлебозаготовкам за последнее время почти не дают. Вторая причина — это плохо работают закупочные комиссии, выделенные гражданами. У этих комиссий зачастую такое настроение: „абы день до вечера“.

Ст. Тимошевская. К началу шестой пятидневки заготовки хлеба, результат работы оказался довольно плачевный, в нашем районе всего заготовлено 9868 п. 26 ф. из задания 17000 пуд.

Ст. Кореновская. Работа К. К. О. В'а по ст. Кореновской идет слабо, в этом отчасти виноват и наш стансовет. Когда хлеборобы на ночь приезжают домой, можно было бы что-нибудь сделать, но наш стансовет назначает собрание по проверке работ комиссии в 7 часов вечера, тогда как собрания можно бы назначать гораздо позднее...

Ст. Чепегинская... Гоцкало Максим, Сироед и Ермоленко Д., продали государству втроем 170 пуд. озимой пшеницы на корню, получили 25 проц. задатка в сумме 44 р. 20 коп. и тут же утром, до обеда, пропили 17 руб. 40 коп. (Очевидно выпили, как полагают магарыч за „удачную“ продажу. Ред.).

Закупка хлеба на корню. Закупка озимого посева зерна проходит довольно слабо и не обеспечивает выполнение намеченного плана. Сейчас Окрторг-отделом проводится ряд мероприятий, направленных к усилению закупок хлеба на корню.

Ст. Брюховецкая. С самого начала кампании недостаточно учли важность проведения этой работы. Окружные организаторы с.-х. и потребительской кооперации не снабдили места во время деньгами на закупку хлеба и задержали присылку типовых договоров. Недостаточно работают по закупке на корню с.-х. т-ва ст. ст. Батуринской, Ново-Джерелиевской, нужно правлениям этих т-в подтянуться в ближайшие дни. Закупка хлеба на корню по индивидуальным хозяйствам идет еще слабо.

Закупка на корню проходит слабо.

Сведения, поступающие с мест от отдельных хлебозаготовителей, производящих в настоящее время закупку семенного материала, говорят о чрезвычайно низком уровне этих закупок. По этому поводу на днях

при Окрторготделе состоялось совещание всех государственных и кооперативных заготовителей хлеба, а также представителей Окружного Земельного управления. Совещанием было отмечено, что все заготовители недостаточно развили работу по закупке хлеба на корню. Сельско-хозяйственная кооперация до сих пор не охватила полностью всю сеть колхозов округа в отношении закупки у них озимого хлеба на корню. В известной степени это является результатом того, что сами колхозы до сих пор не уяснили всего значения проводимой кампании и нередко задерживают запродажу своих излишков озимого хлеба. Для усиления закупок посевного зерна, совещание признало необходимым командировать на места 10 человек, которым поручено главное внимание в своей работе уделить развитию закупок хлеба на корню у колхозов. Кроме того, совещание решило допустить к закупке озимой пшеницы у колхозов, кроме Кубсельредсоюза, Хлебопродукт и Крайсоюз. Данное решение представлено на утверждение соответствующих органов.

Одновременно с этим совещание подчеркнуло ненормальность закупок у единоличных хозяйств, помимо озимого хлеба, также и прочих яровых культур. Всем заготовителям предложено дать: Тимошевский, Брюховецкий и Кореновский районы, где наблюдались такие явления, немедленное указание о расторжении всех заключенных с единоличниками договоров на закупку яровых культур хлеба. По сведениям, имеющимся в округе, в северных районах округа несколько задержалась уборка хлебов. Поэтому совещание решило срочно поставить перед Крайторгом вопрос о продлении сроков сдачи озимой пшеницы в этих районах вместо 20 августа до 1 сентября.

Очереди за хлебом.

Когда бы ни прошел по Дубинке мимо распределителей Ц. Р. К. „Основа“ и „Севкавтпо“, то невольно вас натолкнет на мысль, почему уже около 8 месяцев, а особенно в последнее время, тянутся большими стаями очереди.

Раньше, хотя и были, то за отрубями, мануфактурой, а теперь в особенности, за хлебом.

Краснодарский спиртоводочный завод № 2 Центроспирта.

В первых числах мая месяца общим собранием рабочих и служащих нашего завода был заслушан доклад о регулировании и распределении хлеба среди населения, где было решено, в виду того, что рабочие и служащие, зачастую благодаря отсутствию времени, не могут стоять в очередях за хлебом и остаются без такового, просить Горсовет и Внуторг о разрешении Ц. Р. К. открыть хлебный ларек около завода для организованного снабжения хлебом рабочих и служащих завода и пивзавода, по примеру других фабрик и заводов. Этот вопрос было поручено в срочном порядке провести в жизнь н. завкому, но увы, — „воз и ныне там, а рабочие выражают недовольство по адресу Ф. З. К. за его бездействие.

Из письма с Кубани.

... Трудно нашему брату — старикам жить впроголодь, хлеба и то не вдоволь, дают по фунту на душу, хочешь с'ешь его сразу или тяни целый день, а больше не получишь...

Очистка зерна или засорение мозгов?

Под таким заглавием находим в „Экономической Жизни“ (26 июня) корреспонденцию из Ростова о том, как строилась в Гулькевичах зерноочистительная фабрика.

Корреспондент „Эк. Ж.“ пишет, что существующая в Северокавказском Крае довольно широкая сеть прокатных пунктов, располагающая триерами, сортировками и прочими зерноочистительными машинами, не может справиться с ежегодным потоком зерна требующего очистки, а потому в Ростове решили построить мощную зерноочистительную фабрику. Однако, как это всегда бывает в благоденствующей Совдепии, сооружение зерноочистительной фабрики производилось с такою поспешностью и непродуманностью, что результаты, пока что, более чем плачевны.

Строители не удосужились выяснить вопрос о том, насколько целесообразно сооружение зерноочистительной фабрики в Гулькевичах, выгодно ли будет завозить туда зерно и доходно ли будет предприятие, на которое ухлопали уже не одну сотню тысяч. Более того, до сих пор еще не выяснено, какова же будет производительность строящейся фабрики. Пропускная способность фабрики, пока, „покрыта мраком неизвестности.“

Строители новой фабрики вычислили себестоимость в 4,25 коп. с пуда, тогда как на действующей Шатилловской зерноочистительной фабрике, себестоимость доходит до 17 коп.

Не было необходимых проектов и смет, и даже не была намечена ориентировочная стоимость всего строительства, решили строить фабрику просто и без затей. Крайзу попросило у двух „богатых дядей“ — наркомзема и крайисполкома — по 100 тысяч руб. на предварительные расходы

Но с момента отпуска этих средств и быстрого их таяния в руках строителей, началась лихорадочная скачка цифр, заявок, требований и исчислений.

Сначала было подсчитано, что всего на строительство потребуется 250 тысяч руб. Затем, в сентябре 1927 г., стали называть более солидную цифру в 468 тыс. Через месяц, в октябре прошлого года, уже начала фигурировать сумма в 523 тыс. руб., не считая отпущенного наркомземом оборудования на 83 тыс. руб., построек и имущества на 90 тыс. руб.

Небезинтересно остановиться также на том, как выполняются строительные работы.

Здание фабрики строит контора кавказского гидростроя, оборудование устанавливает Мельстрой. Кавшдрострой пока отличался тем, что в процессе работ беспрестанно менял свои проекты, в результате удорожил постройку на 22 проц. против первоначально исчисленной стоимости.

Работа Мельстроя по установкам и оборудованию все время требует коррективов и дополнений, потому что в свое время не был предусмотрен ряд существенных моментов.

В частности, Мельстрой, устанавливая зерноочистительную фабрику, позабыл включить в свой план овсяно-очиститель, что в условиях Сев. Кавказа является грубейшим промахом.

Только в последнее время выяснилось, что ячменотборники не могут быть сделаны Мельстроем, и их придется заказывать в другом месте, что не может не задержать хода работ и т. д. и т. д.

Привезенное в Гулькевичи железо увозилось в Ростов для различных поделок.

Заграничное оборудование, выписанное до окончательного выбора места постройки фабрики, путешествовало по различным станциям и в течении 11 месяцев бесполезно лежало в железнодорожных пакгаузах.

Строительный комитет, призванный наблюдать за ходом сооружения фабрики, не имел никаких инструкций и положений, и, состоя из лиц, не знакомых со строительным делом, не мог проявить сколько нибудь заметной деятельности.

К сроку, т. е. к моменту реализации нового урожая, фабрика не будет готова.

Корреспондент „Эк. Ж.“ глубококомысленно заканчивает свой отчет таким меланхолическим замечанием:

„Глядя на сообразительность крайземовских строителей, начинаешь понимать, что не только зерно нуждается в тщательной очистке.“

Бесхозяйственность мясозаготовок.

Казачьи Земли, как сельскохозяйственные колонии, должны снабжать „дентр“, или, проще говоря Москву, мясом и хлебом. Выжать побольше того и другого из казачьих Земель является одним из главных заданий органов советской власти на Сев. Кавказе.

О том, в какой обстановке протекала т. наз. мясозаготовочная кампания этого года, рассказывает „Экономическая Жизнь“ (19 июня), которая пишет, что ростовский крайторг с осени прошлого года доносил в Москву, что мясозаготовки идут хорошо, план выполняется с превышением, частный заготовитель почти не играет никакой роли, значение общественного сектора в области мясозаготовок неуклонно растет и т. д.

И вдруг в апреле начинаются заминки с мясом. „Заинтересованные организации“ заявили, что виной этой заминки, вернее срыва снабжения рабочих Северного Кавказа да и других районов, — поздняя весна, отсутствие кормов, распутица, полевые работы и т. п. Одним словом, объективные причины... и винить некого.

Но... потом оказалось, что „кое-что“ не предусмотрено, много не учли, кроме того расхлябанность, нездоровая конкуренция и просто безобразно легкомысленное отношение к делу — все это в более чем достаточной степени проявлялось „заинтересованными организациями“.

В результате слабых пригонов заготовительный план по краю был выполнен в апреле только на 50 проц. Резко ухудшившееся качество скота вынудило регулирующие органы снизить кандицию. Москва формально согласилась, но... поставила условием, чтобы худой бык давал столько же сала, сколько и жирный.⁹ И на этом решении успокоились.

Заявки рабочей кооперации выполнены были на 40 процентов, при чем план выполнялся не в пудах, а в головах.

— Дают „кошачьи головы“, а считают за быка. только затуманивают головы, а мяса все равно не хватает, жалуются кооператоры.

Скот, как это было в Ставропольском округе, по 2-3 недели стоит на станциях в вагонах, конечно, голодный, теряет в весе.

Сплошь и рядом заготовители брали скот в кредит. „Обещают заплатить через пару дней, а потом 3-4 месяца ждешь денег, — жаловались крестьяне Ставропольщины.“

Как впоследствии выяснилось — частные скупщики забирали лучший скот, в ценах не стеснялись, снабжали мясом частных торговцев в городах, у которых оказалось мясо значительно более дорогое, но у государственной торговли его не было совсем.

Правда, в Ростове в „страдные“ дни на мясном рынке частников почти не было: большинство из них получило приют в государственных мясозаготовительных органах и под их красной вывеской „спокойно работало на комиссионных началах“.

Уборка урожая.

„Эк. жизнь“ (14 июля) в корреспонденции из Екатеринодара пишет, что подготавливаться к уборочной кампании на Кубани начали чуть ли не с самой весны. Во всех учреждениях были давным-давно составлены планы завоза с.-х. машин и орудий, но когда начались покосы, тогда стало выясняться, что одно дело составить план, а совсем другое — его выполнить.

Уже на 1 июля оказалось, что 40 тракторов к уборочной кампании не придут, что огромный спрос на сенокосилки не будет удовлетворен во время проц. на 60-70. Когда Севкасельсклад подтянулся и удовлетворил спрос на сенокосилки, то оказалось, что сено уже на три четверти выкошено вручную. За две недели до начала уборки выяснилось, что в завозе машин есть значительное отставание: мало оказалось жаток, конными граблями низовая кооперативная сеть едва удовлетворена на 30 проц.

Увеличившийся посев кукурузы требует большого количества кукурузных молотилок. Севкавсельсклад уверяет, что он даст кукурузо-молотилки в достаточном количестве, но другие организации смотрят на эти обещания недоверчиво. Вообще же, в районах, на местах с.-х. т-ва только начинают „выявлять действительную потребность“ в необходимых машинах и орудиях.

Организационная сторона подготовки к уборочной кампании в станицах поставлена очень плохо. Прокатные пункты не подготовлены, ремонт машин не налажен. Событие на Тереке — впервые своевременно завезены сноповязалки для тракторов „Эк. Ж.“, 12 июля, пишет: „в письме к нам особо отмечается, что в Терскую область впервые своевременно ввезены тракторные сноповязалки“. От себя газета прибавляет: „впервые своевременно... Да, судя по вышеизложенным сообщениям с мест, это — в своем роде событие“...

Сельскохозяйственные машины. „Севкавсельсклад“ собрал отзывы самих хлеборобов о качестве сельхозмашин.

Кукурузные молотилки „Армалита“ не приспособлены для обмолота кочанов, зубья борон плохо вделаны, сеялки для кукурузы работают плохо: дают либо пересев, либо недосев. Жалобы были и на деревянные части машин „Красный Аксай“, быстро сохнущие и трескающиеся. Не всегда машины Севкавсельсклада снабжены необходимыми частями. Машины плохо транспортируются, ломаясь в пути.

Школьное строительство.

Когда все хозяйственные постройки станичных и сельских обществ пришли в полную негодность, когда школьные и больничные здания оказались совершенно

разрушенными и уже не могли служить своему назначению за долгим отсутствием ремонта, изобретательная соввласть выдумала, как известно, „самообложение“. Населению было заявлено, что все средства собранные по „самообложению“ пойдут на культурные и хозяйственные нужды населения. И как всегда — б-ки обманули. Средства пошли на чеку, на иностранные путчи и т. д., а культурные и хозяйственные нужды населения Кубани находятся в том же положении, как и ранее. Меньше всего средств, собранных по самообложению, пошло на то, на что собиралось — на школы. Вот примеры школьной строительной программы в Славянском районе:

Хут Семисводный, Слав. района. На одном из хуторов Семисводных население проявило инициативу и начало еще в 1926 году строить школу. Навозили кирпича и действительно начали строить. Но, очевидно, не было поддержки со стороны организаций и школа осталась недостроенной.

Так как крыша не была поставлена, то под влиянием дождей и ветров постройка начала разрушаться. Это всем бросается в глаза, обыкновенно говорят: „бесхозяйственность, и только!“

И это приходится слышать почти год.

Село Воскресенское, Слав. р. Нет школ по хуторам села Воскресенского. Там начали — заложили фундамент, там лес не заготовили. Там дело за дверями и окнами...

На каждом собрании говорит беднота и середяки о школах:

— Та начинайте. Время не жде.

Самообложение прошло, но так ничего до сих пор и не начато.

Библиография о казачестве.

31. *Летописное повествование о Малой России...* собрано и составлено через генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1785-86. Москва, 1847. (Там же 77 В 5. 1846 г. № 5.) Весьма обстоятельная история. Много говорится о казаках запорожских и „малороссийских“.

32. *Разсуждение о Запорожцах. Сочинение Г. Ф. Миллера. (Ibidem).*

Написанное по поручению премьер-министра Екатерины II, графа Панина, — резко отрицательное „разсуждение“, оправдывающее политику правительства в отношении Запорожья.

33. *Краткая выписка о малороссийском народе и Запорожцах. (Ibidem).*

Обвинительного характера против запорожцев.

34. *Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа.* СПб. 1888 г. (Музей, Прага. 76 Д 81).

35. *Кулиш. Польская колонизация юго-западной Руси.* „Вестник Европы“ 1874 г. кн. III.

Много о казачестве.

36. *Кеппен П. Древности северного Понта.* Москва, 1828. (Музей, Прага.)

О Черноморском побережьи.

37. *Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского.* Одесса, 1841. (Музей, Прага. 78 С 77).

Составлена по материалам, извлеченным из запорожского архива.

38. *Histoire de la guerre des cosaques contre la Pologne etc. p. Pierre Chevalier.* Paris 1863.

Розыски.

Есаула Андрея Михайловича Ткаченко хут. Сетракова Мигулинской станицы (последнее его пребывание гр. Сливен, Болгария) розыскивает Федор Никанорович Леонтьев. Писать по адресу — Tchecoslovaquie, Brno, Nova 5. 9/II или на редакцию журнала „Вольное Казачество“.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество —
Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

— Вільне Козацтво —

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1 Tchécoslovaquie.

Всякого рода типографские работы
выполняются дешево и аккуратно
на всех славянских языках.